

1946—2014

Памяти
Людмилы Михайловны Баш

Сборник воспоминаний
преподавателей Школы юного филолога

Москва
2015

Памяти Людмилы Михайловны Баш: Сборник воспоминаний преподавателей
Школы юного филолога / Сост. Д. А. Иванов, М. Г. Сулимова. М., 2015. — 80 с.

© Школа юного филолога
при филологическом факультете
МГУ им. М. В. Ломоносова, 2015

Ольга Кузнецова

Вместо предисловия

На этих страницах собраны воспоминания о Людмиле Михайловне Баш, любимом директоре Школы юного филолога при МГУ. Она ушла из жизни 15 ноября 2014 г. За то время, пока Людмила Михайловна возглавляла школу, ей удалось создать уникальное пространство, уютное для научного общения и педагогических экспериментов. О широте взглядов и кругозоре этого необыкновенного человека частично можно судить по воспоминаниям. Они написаны людьми из разных поколений, в разном стиле и даже из разных уголков земного шара. Однако все авторы сходятся в словах глубокой благодарности, и многое еще остается невысказанным.

Среди традиций, введенных Людмилой Михайловной в ШЮФе, особенно часто вспоминают, как во время первого общего собрания на доске ежегодно возникало загадочное слово *σχολή* («схолэ»). Для школьников, зачастую впервые оказавшихся в стенах университета, устраивался маленький этимологический экскурс: оказывается, слово «школа» имело значение полезного досуга. Заодно они узнавали принципы обучения в Школе юного филолога, что это не подготовительные курсы, а свободное время, отведенное под увлекательные разговоры о науке, культуре и занятия редкими языками.

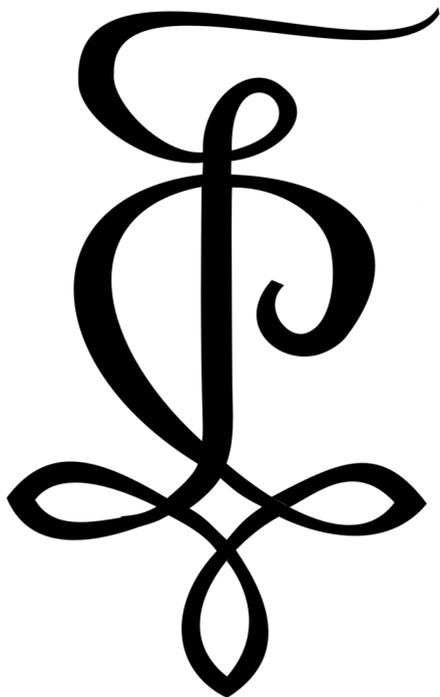
Пожалуй, несмотря на некоторые лейтмотивы, проходящие в сборнике, для каждого человека Людмила Михайловна открывала какой-то особый уголок своей души, с каждым у нее была своя тайна. Многие отмечали ее отменное чувство стиля. Она любила флоксы и свежую халву. У нее в кабинете висели портреты Данте и Т. Манна, любимых писателей. У нее был очень молодой голос. Она рассказывала анекдоты на случай и читала стихи по памяти. Поэзия была для нее большим, чем предметом научного осмысления, например, стихотворение Р. Кишлинга «Если...» (в переводе Маршака) она полушутя называла мантрой.

Она затевала *tête à tête* интереснейшие разговоры о науке, литературе и культуре. Люди приходили в ее кабинет по какому-нибудь текущему факультетскому делу и внезапно начинали обсуждать новые или недавно прочитанные книги, спорить, сказывается ли частое использование интернета на свойствах человеческой

памяти, есть ли в жизни порядочного человека место хитрости, говорить о мертвых языках, жизни и смерти, о Боге... У нее был удивительный талант вести беседу: даже самые замкнутые люди неожиданно для самих себя рассказывали ей о том, что их волнует и как им живется. Помимо хороших советов и слов утешения, многим она оказывала реальную помощь. У Людмилы Михайловны с ее неподдельным интересом к другим людям были фантастические связи: казалось, она могла найти специалиста в любой области и привести на факультет любого современного писателя. Со смехом она говорила, что умеет лечить головную боль при помощи разговоров по телефону, но все люди вокруг по-настоящему заряжались от нее желанием жить и заниматься наукой, верой в себя и в будущее.

Для нас, еще молодых и не сложившихся до конца людей, Людмила Михайловна была не только образцом житейской мудрости, воплощением интеллигентности, но и добрым другом. Категории дружбы она придавала огромное значение и даже книги подписывала «от друга». Шекспировский сонет 66 она любила в переводе Пастернака именно из-за последней строки, она хорошо знала: «... Другу трудно будет без меня».

Она оставила нам огромное наследство — тексты, мысли, фразы и, конечно, уникальную Школу юного филолога. До сих пор преподаватели школы, встречаясь в коридорах филфака, перебрасываются латинскими и русскими цитатами, выученными со слов Людмилы Михайловны. С 2014 года в память о нашем директоре и друге ШЮФ носит имя Людмилы Михайловны Баш.

Герб ШЮФа: лигатура из латинских букв F, C, V
(Floreat, cresceat, vivat! — Пусть цветет, растет и живет!)

Александр Малиновский

Этимология человеческой души

Когда воспоминания связаны с МГУ, чаще всего всплывают — за вычетом анекдотов о начальствующих рутинерах — либо образы мудрых наставников, либо память о студенческих весельях.

Мысли о Людмиле Михайловне Баш невозможно свести ни к одному из этих стереотипов. Не оттого, что она не была мудрой наставницей или веселой, искренней собеседницей (хотя бы и с младшими по возрасту), а именно потому, что она умела быть и той, и другой (зачастую одновременно).

Пути Людмилы Михайловны и Школы юного филолога пересеклись почти у меня на глазах. Я успел немного поработать в ШЮФе до ее руководства и с ней тоже был уже слегка знаком. Не могу назвать удачным тот первый свой педагогический опыт. Но и сам «добашевский» ШЮФ не производил на меня яркого впечатления. Не было, кажется, никаких горизонтальных контактов между преподавателями (я, по крайней мере, ни с кем из остальных не был знаком), тем более — никаких коллегиальных решений. О совместных преподавательских чаепитиях (заведенных позже Людмилой Михайловной и Димой Ивановым) трудно было даже помыслить. Возможности познавательной и творческой самореализации школьников ограничивались посещением выбранных ими курсов: никаких круглых столов, вечеров или выступлений; двери университетской библиотеки для детей были закрыты.

Когда Л. М. возглавила Школу, я — в силу некоторых сопутствовавших мне положительных рекомендаций — оказался в числе первых приглашенных ею к преподаванию людей. Несмотря на это, на первых порах наши отношения не всегда складывались легко и просто. Тому был ряд причин. И немаловажная среди них — как я понял позже — моя изначальная закрытость. Мне претила определенная сторона «научно-университетской» жизни, связанная с заорганизованностью, жесткой дисциплиной, субординацией, чистой функциональностью, и я не надеялся на чье-либо понимание. Но «своих своих не познаша». Мне не сразу поверилось, что Людмила Михайловна строит новое свое (и наше) знание на основе дорогого мне духа свободного поиска и непринужденного

познавательного общения. Я бывал немногословен, чуть ли не скрытен, и это явно доставляло ей беспокойство.

За новое свое дело Л. М. сразу взялась с энтузиазмом и надеждой. Первое время, видимо, она и сама изрядно волновалась в непривычной роли. Не ее дело было демонстрировать свое волнение нам, но иногда оно выходило наружу.

Помню первую — случайную — нашу встречу за пределами МГУ. Подземный переход на Пушкинской. Все бегут, Л. М. бежит, и я вдруг бегу ей навстречу. Здравуюсь. В ответ мне — ошарашенный взгляд из-под очков:

— Здравствуй, Саша! А как ты здесь оказался?

Растерянно моргнув, начинаю отвечать подробно: «Бегу туда-то, чтоб поспеть туда-то ...»

— Понятно. Ну ладно, Саша. Я побегу.

Позже мне говорили, что Л. М. сама смеялась над собственной растерянной реакцией. Она, видимо, настолько прочно считала меня своим университетским «птенцом», что как-то вот не ожидала встретить в обычном центре Москвы ...

Не обошлось без некоторой проверки «на вшивость». Нет, Л. М. не устраивала никаких «разводов» или «линеек» перед началом занятий. Экзаменовывать меня она тоже не стала; видимо, ей было довольно того, что предмет моих первых семинаров (по Лескову) граничил с темами моих же курсовых, написанных у Анны Ивановны Журавлёвой. Зато как-то вечером звонит мне Л. М., чтобы договориться: я должен был что-то взять у нее, какую-то книгу или документ.

— Саш, я в эту среду, — говорит она, — буду в этимологическом кабинете. Ты случайно в среду в университете не собирался быть?

— Да как же мне не быть в среду, — воскликнул я, — когда у меня в среду ШЮФовский семинар! Разумеется, я как раз к Вам и зайду.

В тот момент я наивно поразился «рассеянности» Л. М. Однако, узнав ее чуть лучше, перестал сомневаться: перед звонком она, разумеется, сверилась с моим расписанием и решила ненавязчиво поинтересоваться, помню ли я его сам ...

Впоследствии Л. М. иногда заходила на минуту к нам на семинары, чтобы сделать какое-нибудь общее объявление или о чем-то мне напомнить (чаще всего — об итоговых списках школьников из семинара, которые я вечно сдавал с опозданием). Все мы вставали; более поздние поколения детей окончательно почувствовали себя как дома, «распоясались» и уже не вставали, а вскакивала один я. Л. М. делала успокаивающий жест рукой:

— Саш, садись, пожалуйста, спокойно, ради Бога!

В краткую эту минуту Л. М. не ограничивалась объявлением или напоминанием. Она обводила нас взглядом — и видела не *группу* или *класс*, а человеческие лица. Остановившись вниманием на какой-нибудь особенно трепетной и взволнованной девочке, она внезапно находила сказать ей что-нибудь как будто пустячное, но милое и успокоительно-ободряющее.

... Иные из моих учениц провели в ШЮФе по одному году, не побывав даже на ежегодных открытии и закрытии, на филфак не пошли, из «бывших учениц» давно стали просто моими старыми знакомыми (и мамами довольно взрослых детей), — но Л. М. они запомнили отчетливо и ярко. Вот по таким минутам. И когда в 2014 году нас облетело печальное известие, с полуслова поняли, о ком идет речь ...

Напоминая мне о несданных списках учеников или еще о каких-нибудь недочетах, Л. М. подчас становилась ехидной, но не повышала голоса (ни прилюдно, ни наедине) — как не повышала его, сколько помню, вообще никогда. За десятки лет общения я несколько раз видел ее раздраженной; в этих случаях она высказывалась более настойчиво, а обычная ее ирония становилась злой. Чаще всего так случалось при столкновении с чьим-то вопиющим и самоуверенным невежеством (когда, например, к нам явился студент с намерением вести шведский язык и сразу обнажил перед предполагавшимися коллегами почти полное его незнание). Тут Л. М. могла, посерьезнев, спросить:

— А почему вам пришла в голову мысль заниматься именно этим? Может быть, вам лучше было бы заняться чем-то другим?

И это звучало почти как приговор.

Но и в редкие минуты раздражения она никогда не теряла готовности выслушать своего собеседника или оппонента, а впоследствии могла признать свою неправоту, если действительно ощущала ее, или несколько скорректировать свою позицию.

В какой-то момент я от статей по русской поэзии XIX века перешел к попыткам анализа современной рок-поэзии. Л. М. — человек широчайшей, но всё же традиционной интеллектуальной культуры — поначалу сочла это блажью. Ей казалось, что я выискиваю глубину там, где ее нет. Однажды в приватном разговоре она весьма ядовито осмеяла мое новое увлечение. Затем, ближе ознакомившись — по моей «наводке» — с творчеством и биографией Янки Дягилевой, Л. М. горячо признала свою неправоту. В результате всех наших обсуждений стало возможным проведение в 2007 году общеШЮФовского вечера, посвященного Янке. Удалось пригласить для выступления друзей покойной поэтессы и итерскую рок-журналистку Екатерину Борисову, чьими титаническими усилиями было собрано множество биографических материалов о Янке. Как часто случается, обширная культурная деятельность отнюдь не принесла Борисовой денег; ее приезд на наш вечер и обратный путь до Питера Л. М. оплатила, насколько я понимаю, просто из собственного кармана.

Потом, по предложению Л. М., я делал доклад на Андреевских чтениях. Волновался, думал, как лучше всё сделать. Давал предварительно свой текст Л. М. для «экспертного» прочтения; она одобрила. Доклад касался влияния романтизма Михаила Светлова на поэзию Егора Летова. Упоминалось в нем, среди прочего, о родине Летова — Омске — и о его происхождении из военной семьи.

Когда я вернулся с конференции, мы долго говорили с Л. М. по телефону. Она подробно и с живым интересом расспрашивала о реакции на мое выступление, о том, какие и чьи еще были доклады и как они понравились мне, об общей атмосфере в зале.

А спустя несколько дней мы пили чай в этимологическом кабинете вместе с Розой Кимягаровой. И словно бы невзначай Л. М. заговорила о своем отце, человеке военном, сосланном в Омск в конце сталинского времени. О том, как она — школьница — восхищалась его военной выправкой и аккуратностью. Как однажды она была в ужасе: на 1 сентября папа пришел к ее школе то ли в расстегнутом пиджаке, то ли в брюках без отглаженной стрелки — уже не помню; в общем, какая-то деталь костюма содержала отступление от строгих правил.

Выслушав тот короткий и единственный на моей памяти рассказ Л. М. об отце, я еще раз оглядел ее маленькую фигурку в неброском, но идеально опрятном, ладно сидящем костюмчике. И подумал: Боже! Боже мой! Через сколько же укоренившихся представлений пришлось переступить этой чудесной женщине, чтобы общаться (на серьезные темы и порой помногу) со мной — вечно взлохмаченным, раздерганным, косолопытым, волшебным и фатально неспособным удержать свою одежду в порядке в течение получаса по выходе из дома!.. Чтобы увидеть во мне не только филолога, но и, прости Господи, педагога!..

Но в том-то и заключался секрет всепроникающего и лучистого духовно-психологического влияния Людмилы Михайловны, что она готова была общаться и сотрудничать с самыми разными по складу и представлениям людьми. И не просто *умела* общаться, а это общение вызывало у нее совершенно искренний интерес — человеческий, мировоззренческий, научный.

Она была великой дипломаткой. Не в смысле неких «тайн Мадридского двора», о коих я не имею ни малейшего понятия. А именно в смысле способности сводить вместе, соединять для общего важного дела людей, решительно непохожих друг на друга, некоторые из которых (несмотря на профессиональную общность) едва ли могли бы сойтись вместе в иной обстановке. Большинство из них тем не менее находили свое важное место в совершающемся и становились по-своему незаменимыми для Школы.

Не всё, разумеется, бывало гладко. Творческий семинар, созданный (точнее, воссозданный; некогда его вела у нас Евгения Лавут) в феврале 2003 года по инициативе моих учениц, не всеми был принят с восторгом. Сама Л. М. испытывала тут колебания. Пришлось пережить и некоторые неприятные минуты. Кто-то подозревал нас в неадекватном маргинализме, кто-то — в графоманстве. (Забавно, что именно из того, первого, состава семинара вышли некоторые нынешние преподаватели ШЮФа.) Ситуация разрядилась после появления поэтической подборки наших детей в «Литучебе» в ноябре 2003 года.

С «Литучебой» меня первоначально свела сама Л. М., позвав на встречу с редакцией в нашем корпусе и представив гостям («Это же прямо для вас», — сказала она мне еще по телефону; у нее было безошибочное чутье на возможность таких комбинаций). Тексты долго проходили разные внутривредакционные стадии, дело тянулось месяцами, как, в общем-то, всегда и бывает в сколько-нибудь толстых журналах. Когда наконец подборка появилась, Л. М. была несказанно рада; а ведь кто-то убеждал ее, что само принятие стихов редакцией — лишь моя выдумка.

Она вообще очень радовалась успехам своих подопечных в «большом мире», с гордостью демонстрировала всем научные публикации наших преподавателей. Учебник Алексея Белова «Ars Grammatica», тома Боратынского, изданные с участием Андрея Зарецкого, долго после выхода лежали на столе Л. М. на видном месте.

... В дальнейшем удалось отстоять не только творческий семинар, но и право его участников именоваться (при желании) разными экзотическими псевдонимами. Так они под псевдонимами и выступали, когда году в 10-м прошел обще-ШЮФовский творческий вечер на нашем 9-м этаже, в Пушкинской гостиной. Л. М. все очень понравились. Когда народ разошелся, она спросила меня:

— А вот такая-то (был назван один из псевдонимов) — она по нашим спискам кто?.. Или это неважно? — добавила она, как будто бы входя в мое положение «неотмирного» товарища муз.

Я без колебаний назвал имя и фамилию. Л. М., несомненно, осталась довольна моим ответом: ведь без знания официальных фамилии и имени невозможно не только проследить дальнейшую судьбу ученика, но и внести его в пресловутые итоговые списки, необходимые для выдачи свидетельства.

Таких хитроватых проверок, наверное, мало кто избежал. Когда в 2006 году Влад Тушкин пришел к нам, чтобы вести новую историю, мы сидели и беседовали в этимологическом кабинете. Л. М. видела Тушкина впервые. Расспрашивала его о разном.

— А сейчас ведь много каких-то совсем разных новых исторических концепций, — сказала Л. М. с простодушным видом человека несведущего, немного растерянного и любопытного. — Вот, вроде бы, Фоменко совершенно новый взгляд предлагает на всё. Как вы к нему относитесь?

Влад, не чуждый истории и исторических штудий, построениями Фоменко никогда не увлекался. После еще одного собеседования — уже коллегиально — он был всеми принят.

Л. М. с ее колоссальной начитанностью и прекрасной памятью постоянно пересышала свою речь приходящимися к слову цитатами — как латинскими, так и русскими. Применение этих цитат могло оказываться самым разным. Иногда они были орудием тонкой иронии. А в редких случаях могли становиться средством слегка нас проэкзаменовать:

— Кто это написал? А? Ну, что ж вы?... Послушай, ну вот ты-то уж должен знать!.. Эх вы, филологи... Некрасов!

Всё это произносилось с такой легкостью и мягкостью, что никто не чувствовал себя ни опозоренным, ни приниженным. Л. М. была абсолютно не из тех, кто угнетает собеседника эрудицией. Не подавить, а *приобщить* было ее задачей. А иногда и деликатнейшим образом подсказать направление научного поиска...

В тысячный раз мы пили чай всё в том же кабинете с Розой и Людмилой Михайловной. Я увлеченно говорил о разных культурных традициях, повлиявших на светловскую «Гренаду», и о ее многообразных литературных источниках. Л. М. переспрашивала, уточняла, желая убедиться, что я не фантазирую; кивала. Потом мы, кажется, поговорили о «наших» детях, о текущих надобностях, о моих домашних делах. Когда я уже собирался уходить, Л. М. негромко, как бы замечтавшись, продекламировала: «От Севильи до Гренады, / В тихом сумраке ночей, / Раздаются серенады, / Раздается стук мечей...» И тут же стала произносить какие-то общие напутствия... Осталось только хлопнуть себя по лбу: как это я, горячо любя А. К. Толстого, ухитрился пройти мимо испанских и греннадских мотивов его драматургии и поэзии! Мне открылось целое новое поле для поиска.

Я так и не поблагодарила ее за эту находку...

Обладая организаторскими и дипломатическими талантами, Л. М. в то же время была человеком глубоко принципиальным (сочетание крайне редкое). Ее макроидеологические установки были далеки от социализма, однако к коммерциализации образования она всегда относилась непримиримо. А с этой проблемой нам пришлось столкнуться.

В некий момент встал вопрос о том, чтобы сделать всю Школу юного филолога платной для детей.

— Я в таком ШЮФе не останусь ни дня, — сказала Л. М. на собрании наших преподавателей.

Мы отстояли тогда Школу ценой добровольного урезания собственных скромных поступлений.

Еще одна удивительная черта, среди русской интеллигенции почти невиданная: личную принципиальность Л. М. сочетала со снисходительностью к ближнему.

Мои материальные дела почти всегда шли плохо. Л. М. не раз находила мне весьма весомые подработки. В самые тощие месяцы пыталась просто всучить мне деньги; я отказывался. Однажды она обрадованно сообщила мне о подходящей вакансии в одном из вузов.

— Но там ведь, кажется, всё обучение платное? — вспомнил я.

— Ну, это да.

— Нет. Тогда я не могу, простите.

— О Господи! Но почему?

— Это моим взглядам противоречит. Я против платного образования. Тем самым я бы участвовал в поддержании системы привилегий.

— Да там совсем небольшая плата! Ты пойми, у них не золотая молодежь-то учится, а обычные девочки-мальчики из провинции.

— Понимаю. Но всё равно плата под силу не всем.

— Там работают очень порядочные и умные люди!..

Произносятся имена, отчасти — знакомые мне. Киваю:

— Это действительно весьма достойные люди, абсолютно не хочу кинуть в них камень. Ну и, возможно, у них немного другие взгляды, которым они честно следуют. А у меня такие.

Л. М. слегка хлопает себя по коленке, уголки губ досадливо поднимаются. Глядит на меня:

— Ну что с тобой делать, а?.. Как ты вообще собираешься в сегодняшнем мире существовать? Скажи ты мне, пожалуйста!

— Ну... Вы сами ведь в свое время сказали, что в платном ШЮФе ни дня не останетесь. Что ж вы меня теперь не поймете?

Л. М. слегка растеряна:

— Это я так сказала?

— Да! Конечно. На собрании.

Легкое замешательство и краткая пауза:

— Ну да! А ты, значит, сидишь и всё за мной запоминаешь...

Самые критические периоды в моей жизни обычно сопровождались частыми телефонными разговорами с Л. М. Если же у меня всё складывалось хорошо, она выказывала неизменное дружелюбие, но не стремилась часто проявляться сама. Коли звонил я — радовалась (даже в пору последней болезни, когда созванивались на два слова: долгие разговоры были ей запрещены врачами). Иногда она оказывалась уставшей после работы, или у нее сидела подруга. Иной раз Л. М. просила (или сама вызывалась) перезвонить через час. Иной раз спрашивала:

— Саш, у тебя что-нибудь важное?

В этом вопросе не звучало никакого недовольства, а только участие. И вопрос не был излишним, потому что нередко я звонил просто пообщаться, излить душу или подкламировать вслух новые вещи современных поэтов и песнопевцев.

Если случалось что-то совсем важное, я старался быстро и внятно объяснить. Отказа не было никогда. В первую очередь, конечно, разрешались все сложности, касающиеся детей: недополученных или потерянных ими пропусков, или же острой необходимости «вдогонку» включить кого-то в уже сданный список... Да и всякое бывало.

Одно время (еще до войны 2008 года) из Москвы массово депортировали этнических грузин. Умная и способная девушка с грузинской фамилией (и ярко

выраженной внешностью), исправно посещавшая мой семинар, как раз тогда вдруг резко перестала ходить. Мне стало беспокойно, тем более что в те же поры на московских улицах орудовали практически безнаказанные фашистские банды, нападая на «иностранцев». Добавлю, что мобильники распространились тогда еще не очень широко; у многих детей их не было.

Звоню Л. М.

— Привет, Саш! Слушай, я только что вошла. У тебя что-то важное?

— В принципе-то да...

— Ну, давай, говори.

— Вы не могли бы... ээ... позвонить домой одной девочке, спросить, собирается ли она дальше к нам ходить, и заодно понять, всё ли с ней в порядке...

Подобная просьба сперва изрядно удивила Л. М. Однако, выслушав все мои пояснения и вникнув, она согласилась, что основания для тревоги есть.

— Понимаете, я теоретически мог бы позвонить и сам, но боюсь, что мужской голос в трубке может быть превратно...

— Я поняла, Саш, о чем ты говоришь. Сейчас я разденусь, немножко приду в себя и позвоню. А потом сразу перезвоню тебе. Хорошо?

(Это характерное «Хорошо?» в конце реплики всегда было настойчиво-взбуждающим, звучало даже не совсем как вопрос.)

К счастью, выяснилось, что девочка была всего лишь занята подготовкой к олимпиаде. Вскоре она возобновила свои посещения.

Казалось, что Л. М. с кем угодно может найти общий язык и любому диалогу придать конструктивное направление. Но были на свете вещи, повергавшие ее в полную растерянность и оставлявшие внутренне беззащитной. Это откровенное хамство, агрессия и ненависть.

Однажды мы обсуждали некую ксенофобно-националистическую «цидулу».

— Как? — пробормотала она, совершенно потерянная и испуганная. — Ты что, хочешь сказать, что это написали *дети*?

— Да какие уже там особо дети-то, — вздохнул я. — Шестнадцать-семнадцать лет. И вокруг любых детей всегда есть разнообразные взрослые... Будьте спокойны. На мой семинар эти *дети* не попадут.

...Л. М. была человеком сугубо светским и, насколько я знаю, не придерживалась определенной религии, однако атеисткой не была. С особенной личной теплотой относилась к Рождеству, всегда подчеркивая, что праздник этот надконфессиональный и к клерикализму никакого отношения не имеет. Как-то раз был устроен и специальный вечер в ШЮФе, посвященный празднованию Рождества у разных народов на разных языках. Впрочем, среди ШЮФовских семинаров разных лет можно увидеть посвященные и иудейской, и мусульманской, и другим культурно-духовным традициям и порожденным ими текстам.

После смерти мужа и с ужесточением своей болезни Л. М. стала с повышенным, пытливым интересом и волнением относиться к свидетельствам о загробной жизни, к фактам мистического опыта, предполагающего возможность заглянуть «за смерть». В разговорах такого рода она не переставала, по своему прежнему обыкновению, хитровато проверять собеседника «на вшивость», желая понять, не является ли тот всего лишь фантазером или утешителем.

После ее ухода 40 дней пришлось на канун Рождества, и мне подумалось тогда, что это весьма символично ...

Для меня всегда было особо значимым отношение человека к животным. У Л. М., очевидно, никогда не было домашних зверей, и она долго относилась к таковым (как часто бывает в подобных случаях) без сантиментов и даже с опаской. Впрочем, я был отнюдь не единственным зверолюбом в ее окружении. Л. М. постепенно привыкла к «звериным» разговорам и даже сама стала иногда расспрашивать о моих кошках и котах. Выслушав сообщение об очередных шапалостях, спросила:

— Сколько им у тебя сейчас?

— Два с небольшим. Тинейджеры! Вошли в ШЮФовский возраст приблизительно.

— Хочешь к нам привести? — улыбнулась она.

Впоследствии Л. М. не без интереса слушала рассказы о медведице Маше, которую я ездил кормить в Люберецкий парк, а однажды передала для нее кое-что из съестного.

Людей разных мировоззрений и в какой-то степени разных научных взглядов, собравшихся преподавать в Школе, Л. М. объединяла не только для сосуществования, но и для сотрудничества и создания определенного уровня взаимопонимания. Но она не была абстрактной миротворицей, устранявшей содержательные споры. Сама она прежде всего умела слушать и вникать. Но и полемизировать тоже, хотя и не всегда заметно для оппонента. Л. М. редко прибегала к прямому спору с доказательствами того, что собеседник не прав. Зато была мастером провокативных вопросов, провокативных утверждений или предположений, заставляющих человека раскрыть свою позицию до уровня ее противоречивости. Здесь было нечто от сократического метода, да и ирония ее была подчас сродни сократовской.

В науке и в образовании — как и в отношениях людей — для нее было важно интегральное начало. Филологию она воспринимала как единое целое, которое нельзя без остатка и потерь поделить на лингвистику и литературоведение. Однажды в преддверии Дня науки (еще одно нововведение Л. М. в ШЮФе!) набралось очень много докладов; думали, как всё успеть. Кто-то предложил разнести их на два дня: день — лингвистам, день — литературоведам. Л. М. такой вариант отвергла:

— Ну, а как же единство-то филологии? Нет, ребят! Мы так целое потеряем.

Она горячо поддержала инициативу Алексея Белова с его лекционным курсом «Основы филологии». И всегда подчеркивала уникальность этого курса в сегодняшней системе образования (не в одном ШЮФе!).

Да и сама филология для Л. М. входила в более обширную сферу познания. Именно при ней в Школе появились курсы истории, семинары, посвященные связям литературы с музыкой, кинематографом, а также объединяющие филологические, этнологические и страноведческие темы.

Docendo discimus — уча, учимся! Таков был основной девиз Л. М., и она первой подавала пример готовности к его осуществлению.

После возникновения творческого семинара нам надо было решить некоторые вещи касательно себя. Л. М. звонила мне, узнавала. Была крайне удивлена, услышав, что мы в семинаре не прибегаем к голосованиям для принятия общих решений.

— Мы всё решаем консенсусом, — говорил я, — и принимаем все вместе только то, с чем согласен каждый.

— Господи, Саш, ну что за ерунда! Так вы вообще никогда ничего не примете.

— Да нет, почему же. Такой способ применялся... в некоторых средневековых университетах... и вот, ээ... у многих племен...

— А для чего это всё? В чем смысл, ты можешь мне объяснить?

— Чтобы меньшинство не подавлялось большинством.

Л. М. поехидничала в том роде, что всё, мол, у вас строго не как у людей. Но приняла как информацию. На том разговор закончился.

Прошел год или два, и я вдруг осознал, что из обихода наших преподавательских собраний голосования почти исчезли — без помпы и шума. Остались в основном мягкие рейтинговые голосования — по поводу того, например, какую избрать тему для ближайшего круглого стола с детьми.

Был некий момент однажды, когда все сильно и резко разделились; не помню уже, о чем шла речь.

— Ну что, голосовать, что ли, будем? — спросила Л. М. с легкой брезгливостью.

И всем как-то стало неловко, все почесали затылки, обсудили и пришли к общему решению.

Побуждаемые Людмилой Михайловной, все мы стали заново учиться — и у нее, и друг у друга, и у наших учеников.

Я ясно вижу, насколько стали за это время другими многие из нас.

Так из педагогики рождается взаимообучение. И взаимопонимание.

Может статься, я слишком много писал здесь о себе. Но что ж делать? Таково удивительное свойство Людмилы Михайловны: она умела становиться

волшебным зеркалом для собеседников и знакомых, высвечивая в них самое лучшее и важное и возвращая этот уловленный свет сторицей — не только отраженным, но и усиленным. И всем давая возможность наилучшим образом раскрыться, скромно оставаясь словно бы позади.

Артистичность и доброта были ее основными качествами. Артистичность никогда никуда не девалась, но доброта с годами всё больше выходила на первый план.

О Людмиле Михайловне можно и нужно еще многое вспомнить и написать. И, конечно, еще напишется. Не раз.

Дарья Рыжова

* * *

Людмила Михайловна Баш — человек, который открыл передо мной двери Московского университета. При этом она не только ввела меня в этот особый мир, но и помогла в нем освоиться, устроиться, найти свою нишу, стать его частью.

Тогда, будучи обычной девятиклассницей из среднестатистической (т. е. довольно плохой) московской школы, я еще только выбирала, куда бы мне пойти учиться дальше, на какой специальности остановиться. Кажется, предпочтений у меня не было практически никаких: что физика, что филология... Вероятно, потому, что я почти ничего ни о чем не знала. Волею случая я попала в Школу юного филолога. И с тех пор вопрос о том, в какой вуз и на какой факультет я собираюсь поступать, был решен.

Уже организационное собрание произвело на меня огромное впечатление: удивительное разнообразие тематик (Людмила Михайловна диктовала расписание, и от каждого нового названия курса просто дух захватывало!), светлые и вдохновенные лица преподавателей, атмосфера всеобщего ажиотажа. Неужели здесь люди занимаются тем, что им действительно нравится? Неужели здесь не постыдно быть фанатом своего дела? Людмила Михайловна особенно подчеркивала, что школа — это наш досуг. Мы приходим сюда по собственному желанию, чтобы получать удовольствие. Стереотип о том, что ученый — это такой зануда, скучный-скучный человек, обреченный на пожизненное заточение среди пыльных томов энциклопедий и исписанных мелким почерком пожелтевших бумажек, раз и навсегда рассыпался в прах. Тогда мне стало ясно, что наука — это не тюрьма, а, напротив, безграничная свобода.

Помню, в первый год я набрала огромное количество семинаров: заткнула просто все свободные минутки в своем расписании. Да, режим стал намного строже, да, я стала в каком-то смысле узником своих интересов. Но какие горизонты за этот год передо мной открылись! Мне казалось, что я заново родилась или, по крайней мере, очень сильно изменилась: наверное, за тот учебный год я узнала больше, чем за всю предшествующую жизнь.

Талант Людмилы Михайловны, умело управлявшей всей этой организацией, не переставал удивлять. Спустя несколько лет, вернувшись в ШЮФ уже преподавателем, я поняла, что вся эта система полезна не только для школьников, но и для студентов, для многих из которых эти семинары становятся первой преподавательской практикой. Тем более удивительно, как Людмиле Михайловне удавалось поддерживать высокий уровень Школы: молодым, еще «зеленым» студентам доверялись девственные детские умы. Эта ответственность подстегивала, а уверенность Людмилы Михайловны в твоих силах укрепляла веру в себя.

Людмила Михайловна часто повторяла, что ШЮФ ни в коем случае не является аналогом подготовительных курсов для поступления на филологический факультет МГУ. Это действительно было так. ШЮФ позволял как бы перескочить через этап вступительных экзаменов и заглянуть в будущее: почувствовать себя студентом (или даже научным работником!) МГУ, углубляющимся в различные частные проблемы лингвистики и филологии и даже пишущим первые самостоятельные научные работы. Изумляло при этом отношение к тебе старших: преподаватели обращались на «Вы» к своим ученикам и называли их коллегами. Каждого уважали, с каждым общались на равных, в каждом видели личность.

Кажется, только сама Людмила Михайловна обращалась ко мне на «ты», но это было особенно приятно: все кругом были коллегами, а она принимала особое, личное, человеческое участие в судьбе каждого из нас. Она всегда помнила своих учеников в лицо и по имени (хотя боюсь подумать, сколько нас было!), всегда помогала в сложную минуту: кому посоветует дополнительные занятия, кому найдет научного руководителя, кому поможет получить потерянное свидетельство об окончании ШЮФа. Удивительно, но даже спустя много лет она продолжала мне звонить, спрашивать, как у меня дела, приглашать вести занятия и просто звать в гости на кафедру. А ведь по-хорошему звонить-то должна была я, но у нас, молодежи, никогда ни на что не хватает времени: семья, учеба, три работы. А у Людмилы Михайловны всегда было достаточно и сил, и времени для каждого из нас, несмотря ни на обилие неотложных дел, ни на состояние здоровья — ни на что.

Искренне верю, что вся та любовь и сила духа, которую Людмила Михайловна вложила в Школу юного филолога, позволит ее детищу продолжать жить и воспитывать всё новые и новые поколения студентов Московского государственного университета. Такие люди никогда не уходят бесследно.

И. А. Емелин

Вспоминая Людмилу Михайловну Баш

Людмила Михайловна Баш была универсально одаренным человеком: прекрасным знатоком Античности, глубоким специалистом в области этимологии и истории русского языка, утонченным ценителем русской классики. Ее труды («Словарь-попутчик» по этимологии русских заимствованных слов, «Словарь языка комедии А. С. Грибоедова “Горе от ума”» и др.) помогают юным филологам пройти тернистый путь профессионального становления, развить самостоятельное филологическое мышление. Недаром одна из любимых ее поговорок была: «Дорогу осилит идущий...»

К коллегам она предъявляла весьма высокие требования, всегда оставаясь при этом доброжелательной и отзывчивой. Не раз вспоминаются случаи, когда она приводила цитату по памяти и нужно было сразу уловить контекст, без которого непонятен был смысл ее применения, а для этого, естественно, нужно было обладать широкой эрудицией, хорошей памятью. Ее вопрос «Откуда это?», помимо образовательного значения, имел еще и смысл побудить собеседника обратиться к тому или иному автору, тому или иному произведению, т. е. пробуждал интерес, любознательность. Все, кому довелось общаться с Людмилой Михайловной, чувствовали себя ободренными, а порой ее советы давали стимул к продолжению занятия филологией. Не раз она говорила о призвании, о бескорыстном служении как отличительной черте тех, кто посвятил себя этой науке.

Любовь к детям чувствовалась в Людмиле Михайловне каждый раз, как она заходила в аудиторию, где проводилось занятие. Живая заинтересованность в педагогическом процессе выражалась не в формальном требовании отчетности, наличии плана урока или проспекта лекций / семинарских занятий, а в приобщении детей к миру высоких ценностей, культуры, филологии.

Обладая огромным авторитетом, Людмила Михайловна была человеком удивительно демократичным. Когда, к примеру, она входила в аудиторию и ученики вставали, она торопилась посадить их на свои места, чувствуя как будто некоторую неловкость.

Необыкновенная скромность, сочетавшаяся с большой строгостью к себе, отличала Людмилу Михайловну. Она всегда помогала — и словом, и делом — тем, кто нуждался в помощи и поддержке. И действительно, преподаватели — действующие студенты и аспиранты — могли к ней обратиться практически с любым интересующим или затрагивающим их вопросом. И находили расположение, живое участие, готовность к диалогу. Более того, она часто упреждала их своими вопросами: как сдал тот или иной студент экзамен, когда у того или иного аспиранта отчет на кафедре... Ярким и запоминающимся событием стала произнесенная ею речь на защите моей дипломной работы по творчеству А. С. Пушкина, одного из любимых ее поэтов, на кафедре истории русской литературы.

Оригинальные вопросы и интересные суждения Людмилы Михайловны по поводу научных докладов, заслушанных на ежегодно проводимых конференциях юных исследователей «День науки ШЮФ», оставили яркий след в памяти многих учеников и преподавателей, коллег-филологов.

Отрадно, что Школа юного филолога, к возрождению, а по сути, созданию заново которой приложила столь много трудов Людмила Михайловна, бессменным директором которой была многие годы, продолжает существовать, функционировать, словно был услышан юными филологами девиз, подхвачен лозунг, который она однажды предложила: «Vivat, crescat, floreat!»

Светлая память замечательному человеку, яркой личности и выдающемуся гуманитарияу!

Александр Якобидзе-Гитман

Поместье Баш

Квартира Л. М. на Чистых прудах на протяжении четверти века была для меня практически вторым домом. Я бывал там частым гостем с грудного возраста и живо помню, как это место завораживало мое детское воображение; в качестве примера можно привести вырезанных на створках книжного шкафа столовой гаргутьеобразных чудищ, от которых мне долгие годы во время чаепитий у Л. М. нелегко было отрывать взгляд, а еще труднее отделаться от пленительной мысли засунуть в их разинутую пасть какой-нибудь баклажан. Но объяснить очарованность домом просто обаянием старинного здания и резной мебели, конечно, было бы совершенно недостаточно.

Вспоминая сейчас свои первые визиты к Л. М. в начале восьмидесятых, я поражаюсь: ее квартира и тридцать с лишним лет назад выглядела так, как будто к ней приставлена не просто горничная, а целый штат прислуги во главе с высококвалифицированным дворецким. А ведь в ней жили пять человек, «знаменитая» столовая Баш была одновременно спальней весьма пожилых родителей Л. М., а ее матушка даже при гостях едва ли могла приподняться на постели. И тем не менее эта столовая уже тогда была процветающим светским салоном, а обстановка источала не мелкобуржуазный уют, а, скорее, прямо-таки аристократическое достоинство. От всего так и веяло каким-то старым-добрым величественным духом. Но что именно олицетворял этот дух, сказать трудно. Резная мебель никогда не преподносилась как семейная реликвия. Также нельзя сказать, что атмосфера дома была пропитана англоманией: настоящей англоманкой Л. М. не была, хотя с Англией ее связывали не только перипетии семейной истории, но и, на мой взгляд, нечто более глубокое, о чем я скажу ниже. Нечего и говорить о какой-то ностальгии по дореволюционной России: все эти «филии», распространенные среди собирателей старинной мебели, были Л. М. определенно чужды в первую очередь потому, что носили слишком специфический характер; в них недоставало стремления к всеобщности — конститутивного свойства ее натуры.

Можно подумать, что содержать дом в таких условиях невозможно без железного характера и жесткой дисциплины или хотя бы хлопотливой, лихорадочной

деловитости, но как раз подобные модусы поведения абсолютно не соответствовали имиджу хозяйки. Вместо того чтобы с папиросой в углу рта рассказывать об утренней зарядке в 6 утра, последующем обливании ледяной водой и чтении Тацита в оригинале, Л. М., сидя за самоваром, еще в достаточно молодом возрасте полушутливо сетовала на то, как ей тяжело «продирать глаза» в 9 утра. В мире моего детства Л. М. с самого начала прочно утвердилась как настоящая барыня, гранд-дама. Значительно позже пришло осознание того, что это внешнее сибаритство было во многом напускным, а вместе с этим и удивление от того, в каких мало располагающих к этому условиях ей удалось создать настоящий светский салон. Думаю, что это был своеобразный вариант протестного дендизма, эстетического фрондерства. Даже ребенку было очевидно, что вся обстановка всем своим существом отрицала что-либо советское (и даже детский стульчик, расписанный под «хохлому», этому впечатлению не мешал). Именно на примере Л. М. я впервые получил представление о том, что можно создать собственный стиль жизни.

Сказанное выше характеризует Л. М., скорее, с определенной дистанции, как объект наблюдения; совсем иными гранями раскрывалась ее личность в непосредственном общении. О ее знаменитом умении выслушивать собеседника, думаю, написали немало. Но одно дело, когда это качество проявляется в разговоре с интеллектуальной молодежью, и совсем другое — с детьми. Ребенок для нее был личностью, со своим, достойным внимания характером и образом мыслей; при всей нежности не было и речи о каком-либо сюсюканьи, и она никогда не давала мне повода чувствовать себя плюшевой игрушкой или домашним зверьком.

Отдельную благодарность я должен произнести за ее неукоснительное и в конце концов доведенное до исполнения требование называть ее на «ты». Признаюсь, что после нескольких лет жизни в Германии меня стало коробить принятое в отечестве (впрочем, как и во многих странах Восточной Европы) одностороннее обращение на «вы» по отношению к старшим, а достаточно легко переучиться на местную неизменно двустороннюю форму мне помог в первую очередь опыт общения с Л. М., которая донесла до меня простую и мудрую мысль: форма «Вы» отнюдь не лучший и уж точно не единственный способ выразить уважение.

Особому доверительному характеру наших отношений способствовал некоторый «заговорщицкий характер», развивавшийся по мере моего взросления. Заговор, конечно, по самой своей структуре предполагает деление на «нас» и «их». На первый взгляд казалось, что «мы» в ее понимании — это изнеженные, но чуткие интеллигенты, а «они» — деловитые и амбициозные, а потому черствые. Однако в этом «мы» был еще один скрытый смысл, который прояснился для меня много лет спустя и, увы, не в результате дальнейшего развития наших отношений с Л. М., а напротив, в результате размолвки.

Размолвка эта в конце концов оформилась в конфликт между нашими семьями, а началась она как расхождение в мировоззрении двух людей, выросших в одном городе, в одной социальной среде и принадлежащих к одному поколению, — Л. М. и моего отца. Отец сетовал на то, что Л. М. все больше становится рабом светских условностей и ритуалов, не замечая омертвения их содержания — т. е. упадка искренности и непосредственности. Претензии же Л. М. к отцу (точной формулировки я, к сожалению, не запомнил) сводились приблизительно к тому, что он-де не способен жертвовать личными интересами во имя общего блага и даже поступаться желаниями во имя долга.

В ту пору я не понимал этих обвинений. Мне виделась в этом просто реакционная критика человека, всю жизнь прожившего в одной квартире и проработавшего в одном месте, который вследствие этого чрезмерно консервативен и боится перемен. Весомость критической позиции Л. М. ослаблялась в моих глазах и всё более усиливавшимися странностями ее поведения: она то впадала в неуместную для близких друзей преувеличенную дипломатичность, то нарушала ее столь же внезапными вспышками колкости. Однажды она совершенно обескуражила меня высказыванием мировоззренческого характера. Когда я покидал квартиру, где прожил 17 лет, она спросила, не причиняет ли мне страдания этот факт. Я ответил, что привязываться подобает к людям, а не к местам и не к вещам. На это Л. М. возразила: жизнь-де показывает, что тот, кто не привязывается к местам и к вещам, и к людям проявляет неверность. Сказано это было явно в сердцах; в привычно трезвом, рассудительном состоянии своего ума Л. М. не стала бы прибегать к подобной гиперболе. Несмотря на некоторую осведомленность в перипетиях непростой личной жизни Л. М., непосредственная причина той боли, которая сквозила в этих словах, так и осталась для меня темным местом; однако много позже, уже после ее ухода, я неожиданно увидел в них ключ к разгадке того, что мне было так трудно понять в ее личности.

Пусть Л. М. и не была англоманкой, но я не побоюсь сравнить ее судьбу с судьбой какого-нибудь аристократа-помещика викторианской Англии, обремененного нелегким грузом забот и обязанностей: ответственность за поместье, за престиж семьи и рода, интенсивнейшая светская жизнь, лавирование в атмосфере интриг; словом, подобная жизнь наполнена бесчисленным количеством забот и конфликтов, как внешних, так и внутренних. Как и владелец поместья, Л. М. была не приобретателем и не строителем, а попечителем. И ее квартира, и гуманитарное (в ее понимании — гуманистическое) образование, и социальная среда, а затем и Школа юного филолога были тем, что досталось ей в попечение и налагало на нее огромную ответственность. Для человека с такой системой ценностей и принципов мотивация поменять старую работу на новую, где больше платят, или старую квартиру на новую, где лучше планировка,

была органически неприемлема. И то, что Л. М. была противоположностью типа «self-made (wo)man», ни в коей мере не значит, что воля ее была расслаблена и инертна.

Какую «политику» проводила Л. М. в своем «поместье», что было самым значительным в ее попечительстве? Уверен, что повторю слова многих ее друзей и коллег, если скажу, что у нее была незаурядная способность поддерживать развитие лучших качеств своих протеже, способствовать реализации талантов, а также знакомить друг с другом и способствовать сближению людей, между которыми ее прозорливое око улавливало внутреннее родство (и здесь я также перед ней в долгу). Но все это представляется мне лишь верхушкой айсберга. Меня давно не покидало ощущение, что внутри этой демократичной попечительницы и вальяжной барыни скрывалась довольно властная, своенравная и упрямая натура. На фоне того, с каким вниманием и толерантностью она готова была выслушивать самые разные точки зрения, на фоне ее щепетильной дипломатичности особенно знаменательными были те моменты, когда она неожиданно в резкой форме выражала какое-то свое суждение, признавалась в некоторых весьма причудливых привязанностях, а порой не могла скрыть своих довольно радикальных взглядов на некоторые вопросы морали. Но все эти вспышки темперамента прорывались редко, когда давал слабину ее в остальном завидный самоконтроль. И при размышлении над особенностями ее личности становится очевидно, что на самом деле ей приходилось огромными усилиями преодолевать желание навязывать свою волю и мнение, что ей приходилось идти на жесткое самоограничение и даже самоотречение, чтобы сдерживать некоторые свои импульсивные порывы. И в этом было вовсе не самоуничтожение, а верность ее иерархии ценностей, в которой универсальное и всеобщее всегда были важнее частного.

После этого неожиданного прозрения для меня вдруг прояснился и секрет наших с ней некогда весьма доверительных отношений. На мой взгляд, он кроется в том, что Кант называл категорическим императивом — внутренним приказом действовать по необходимости. Изнеженный ребенок, растущий в тепличных условиях, воспитание которого совсем не направлено на подготовку к «суровой школе жизни», обнаруживает склонность к таким, казалось бы, противоположного рода ценностям, как долг, ответственность и даже аскетизм — вот что она видела во мне родственного. А окончательный разрыв между нами произошел, как мне думается, вследствие того что я в ее глазах нарушил священный для нее идеал верности — не столько в плане конкретных, частных человеческих отношений, сколько во всеобщем метафизическом плане. Теперь мне остается только надеяться, что в результате внутреннего диалога, который я никогда не переставал и вряд ли перестану вести с Л. М., мне удастся ее убедить, что это разочарование было напрасным.

Интересно, что роль Л. М. в моей жизни, которую трудно преувеличить, была далека от роли духовного наставника. В первую очередь я питаю к ней благодарность за то, что она в огромной степени помогла мне осознать, откуда и с чем я пришел в этот мир, что мне следует в себе преодолевать, что пестовать, на что стоит опираться и чего избегать. При этом вроде бы подобающий ее положению жанр «мудрых советов» играл здесь второстепенную роль, а ценнейшее для меня стимулирование к самостоятельным критическим и, пожалуй, даже философским размышлениям было не результатом наставничества, а скорее, просто того, как этот незаурядный человек, раскрываясь с разных сторон, существовал и продолжает существовать в моем внутреннем мире.

О Людмиле Михайловне очень трудно написать кратко — столь многогранной и неординарной личностью она была и в столь многих плоскостях могло строиться общение с нею. Особенно трудно сделать это, если знаком с ней с детства. Поэтому здесь я вспомню только несколько эпизодов из своей жизни, связанных с Л. М., — может быть, не самых главных, но запомнившихся мне как яркие и позитивные. Другие же воспоминания — касающиеся, возможно, более серьезных событий, чем эти, — когда-нибудь тоже, надеюсь, будут написаны и опубликованы.

Свою первую встречу с ней я помню лишь эпизодически, так как случилась она в очень раннем детстве. Мне тогда было, думаю, около трех лет. Моя матушка и Л. М. сначала вместе учились на одном курсе, а потом долгие годы работали на факультете чуть ли не в соседних дверях и регулярно участвовали в приеме вступительных экзаменов. Все эти факторы весьма способствовали их отношениям — которые были не таковы, как это водится у подлинно близких друзей, но достаточными, чтобы регулярно перезваниваться, изредка ходить друг к другу в гости и помогать друг другу в случае необходимости.

Так и в тот день Л. М. вместе с супругом Ильей Борисычем были у нас дома. Я сейчас не могу вспомнить конкретный повод их визита, но подозреваю, что это было что-то вроде годовщины новоселия. Т. е. не более чем повод. Персону Л. М. в тот визит я почти что не запомнил. А вот Илья Борисыч запомнился мне хорошо. Особенно как они вместе с моим отцом, продолжая лучшие традиции русской интеллигенции, пили что-то прозрачное из маленьких стаканчиков. Я искренне решил, что это вода и взял со стола попробовать. Оказалось, что как вода это было только в плане означающего — а вот означаемое было горьким и противным. Впечатление это было настолько ярким и радужным, что и до сих пор, будучи уже почти что с бородой и являясь большим поклонником такого индоевропейского продукта, как вино, я с недоверием отношусь к водке.

Через несколько лет (мне было шесть) Л. М. была у нас снова. На сей раз — без мужа, но с дочкой. Маша тогда была еще большой девочкой, но мне показала, что пришли две тетеньки. Л. М. принесла подарок — что-то в маленькой

коробке. Я (видимо, скептически) оглядел его. «Нет, ты не думай, что какая-нибудь очередная конфетка», — успокоила меня Л. М., — «это дельная вещь: это чтобы пузыри пускать». Простые советские дети в те годы не выдвигали таких шуток, и я с готовностью стал учиться новому искусству.

Когда я учился в школе, Л. М. появлялась в моей жизни уже регулярно. Особенно заметно это стало тогда, когда я взялся учиться латинскому языку (а случилось это в 1993 году, когда в Греко-латинском кабинете Ю. А. Шичалина открылась первая детская группа, где преподавались древние языки и история искусства). Тогда я уже знал, что Л. М. — это реальный пример человека, закончившего классическое отделение нашего университета. Все — особенно матушка — попугивали меня, что учиться там очень трудно и не всем удастся его закончить, не повредившись в уме, но Л. М. выступала для меня контрпримером — того, что вполне можно не только доучиться там до конца, но и даже остаться при этом психически вменяемым человеком.

А в 1995 году со мной случилось два важных события: и оба они связаны с Л. М. Во-первых, я стал учиться в ШЮФ, занимаясь в семинаре Ф. Б. Людоговского «Старославянский язык». Проучился я недолго — т. к. нехорошо разболелся, а когда поправился, надо было уже готовиться к вступительным экзаменам — но с первого же занятия сформулировал себе максимум: я буду преподавать латинский язык в ШЮФ. Л. М. эти мысли поддержала: «Поступай на факультет». Во-вторых, осенью того же года Л. М. познакомила меня с другим видным выпускником классического отделения — А. В. Подосиновым. Вышло так, что я хотел познакомиться с кем-то, кто мог бы мне показать, как можно разговаривать по-латински; А. В. неожиданно оказался близким другом Л. М. На занятиях в ГЛК мы пользовались его учебниками, и знакомство с ним явилось для меня своего рода встречей с небожителем. Примечательно, что и Л. М., рассказав мне о нем, уточнила, что зовут его прямо как Суворова — Александр Васильевич. То, как встретила меня этот человек и сколь колоритной личностью оказался он, — тема отдельного рассказа. Скажу только то, что за несколько занятий с ним я не только определился с выбором профессии, но также мы решили с ним сделать краткий русско-латинский словарь и собирались летом 1996 года отправиться на конгресс «живых латинистов» в финский город Ювяскюля. Уже этого достаточно, чтобы понять, насколько влияние Л. М. на мою научную историю было определяющим. При этом очень хотел бы отметить, что вся та поддержка, которую она оказывала мне, была совершенно ненавязчивой; добро Л. М. предпочитала делать как бы проходя. Но именно поэтому Л. М. и стала для меня в те годы своего рода «спутником жизни» — если, конечно, понимать последнее выражение самым буквальным образом.

Весной 1997 года я успешно преодолел вступительные экзамены в Университет. Когда стало известно, что меня зачислят на факультет, матушка пригласила

к нам домой нескольких университетских и околоуниверситетских знакомых. Это был незабываемый вечер, на котором, в частности, присутствовали Л. М., А. В. Подосинов и Е. Ф. Шичалина. Все дружно ели салат оливье, пили кто что может и говорили о классической филологии. Л. М. подарила мне двухтомник И. В. Шталь о Древнем Риме с энigmatической дарственной надписью *Amogesum*. Наверное, тогда я впервые почувствовал, что стал студентом.

А когда я действительно стал студентом и начал преподавать латинский язык в Школе юного филолога, то довольно часто пользовался этим как поводом, чтобы зайти в этимологическую лабораторию и пообщаться с Л. М. По делу или без оного — тут уже не имело значения. Как раз в таких разговорах мы обсуждали с ней главы моей *Artis Grammaticae* (над которой я тогда работал и которая просто не состоялась бы без участия Л. М.), будущее моей научной деятельности (Л. М. ненавязчиво убеждала меня стать макрокомпаративистом и хотела познакомиться со Старостиним), вопросы семьи и брака (Л. М. хотела сосватать за меня некоторое число преподавательниц ШЮФ и ряд других общих знакомых), имманентен Логос или нет и другие немаловажные проблемы. Еще она пыталась заинтересовать меня вопросами политики и убеждала читать журнал «Итоги» — но я на свое счастье в те годы политикой почти не увлекался, а позже, когда некоторым образом увлекся, то уже не обсуждал своих взглядов с Л. М., заранее зная, чем это непременно должно закончиться. Кстати, вот так между делом она, так и не сумев найти мне невесту, познакомила меня с сыном своей доброй подруги Александром Сергеевичем Якобидзе-Гитманом — в те годы студентом Консерватории, а теперь — научным сотрудником университета Виттен (ФРГ), который, несмотря на перипетии мировой истории и государственные границы, разобщающие людей и нации, остается одним из моих самых близких друзей.

В те годы меня очень привлекала манера Л. М. общаться: колкая, образная, ироничная и, как мне тогда казалось, до глубины души жизнерадостная. Она любила рассказывать анекдоты и цитировать классиков марксизма-ленинизма. Еще всегда обращало на себя внимание желание Л. М. перейти с собеседником на «ты». Причем сделать это в той форме, как накануне боя под Лозовой «перешли на ты» Чапаев и Петька в известном романе Пелевина: чтобы говорить «ты» самой, но не принимать его в ответ. Поначалу мне казалось, что это продолжение той же ее ироничной игры, но сейчас я стал подозревать, что причины этому лежали глубже и были сродни тем, что заставляют поступать так многих священнослужителей и царствующих особ. Также лишь потом я понял, что и колкая ее жизнерадостность во многом была тем, что Юнг называл *Persona* — маска, за которой скрывалась трагическая, мятущаяся и во многом неудовлетворенная жизнью душа, чрезвычайно ранимая сама и намеренно или невзначай легко способная ранить другого. Если правы те, кто пытается объяснить характер одного человека посредством сравнения его с каким-то другим, более известным, то,

говоря о любимой с детства Л. М., не могу не вспомнить и самого любимого мной из авторов XX века — Венедикта Ерофеева, любившего спрятать в псевдо-карнавальной форме страсти евангельского масштаба. В последние годы, отягощенные слабостью здоровья, чередой семейных проблем, неурядиц с друзьями и переоценкой окружающим обществом ряда ценностей, бывших для Л. М. жизненными константами, эти качества еще более давали о себе знать. Л. М. всеми силами, как истинный Аристократ, подавляла их, но иногда они прорывались наружу, и тогда неожиданное соприкосновение с ними собеседника зачастую могло вызвать в нем прозрение или навести на целый ряд философских обобщений — хотя порой открытия эти оказывались и тяжелыми.

Расскажу напоследок о еще одном случае, тоже связанном с «концептом» праздничного пира.

Встречать новый 2004 год я был неожиданно приглашен домой к Л. М. Там в тот раз подобралась весьма интересная компания, состоявшая, во-первых, из лингвистов, в числе которых был даже проф. А. Ю. Милитарев, а во-вторых — из молодежи: упомянутого выше Александра Сергеевича, дочери проф. Милитарева и меня. Чтобы как-то нас развлечь перед наступающим Годом Обезьяны (присутствовало минимум две Обезьяны), Л. М. стала читать каждому старый астрологический прогноз. Разговор, начатый с ерунды, неожиданно перекинулся на вопросы жизни, смерти и того, что может ждать нас за нею, когда Л. М. неожиданно помрачнела, задумалась и произнесла примерно такую фразу: «А ведь и вправду мыслящий человек не может быть оптимистом». На мой вопрос, отчего все так печально, она ответила, что человек конечен, а потому (как я понял ее) всё то радостное, что было, может быть, с кем-то в жизни, непременно закончится вместе с нею. А еще вероятнее, раньше. Потому что Логос не трансцендентен. Потом разговор перекинулся на другое, но я задумался над ее словами, и они стали для меня своеобразным уроком. Я как-то всегда до этого относил себя к убежденным пессимистам. Мысли о разных гадостях, начиная от Третьей мировой войны и заката Европы и кончая разными болезнями и мелкими неприятностями, периодически посещали меня чуть ли не с детства. Но когда я услышал то, что сказала Л. М., — причем удалось ей это тогда с какой-то особой искренностью — я решил, что все эти годы был не прав. Наверно, на самом деле я все-таки оптимист.

Requiescas, o illustrissima, aeterna in pace.

Фируза Байрамова

* * *

Даже спустя столько времени после ее ухода говорить о ней в прошедшем времени непросто. Для меня в памяти она останется такой, какой я встречала ее в университете возле этимологической лаборатории, — одетой всегда аккуратно и с большим вкусом. Меня всегда поражало, как она говорила — размеренно, вежливо, мягко, четко — и с большой любовью. И в этой вежливости было много искренности и простоты, тепла, дружбы. Ей легко было доверить любое переживание, секрет — и она сама много доверяла нам. Так, по ее приглашению я уже с моего первого курса вела занятия в ШЮФ — хотя чаще всего преподавали студенты, отучившиеся на факультете хотя бы год. И я очень благодарна Людмиле Михайловне за риск и доверие, во многом именно этот опыт преподавания помог мне определиться, как и кем я вижу себя в работе, в специальности. Она умела быть близким человеком, не закрывая твоей свободы. Она была настоящим другом, искренним собеседником и истинным филологом.

На втором курсе (это был 1994/95 учебный год) у меня случилась несчастная любовь. То есть поначалу она была вполне счастливой, а потом, прямо накануне 1 сентября, всё кончилось плохо (не в последнюю очередь по моей собственной глупости). И, без всякого преувеличения, я не знал, как и зачем жить дальше. Он застрелиться, слава богу, попробовать не захотел, но к жизни вовсе охладел. Мне нужно было чем-то заполнить образовавшуюся пустоту. И мне повезло: в ту осень я нашел (или меня нашли) две темы, два занятия. Это были акафисты, которыми как редактор и как исследователь я занимаюсь и по сию пору, а также ШЮФ.

На восьмом этаже нашего Первого ГУМа, где висело (да и сейчас, наверное, висит) филфаковское расписание, я увидел объявление: в Школу юного филолога приглашаются преподаватели — студенты и аспиранты. Обращаться в этимологический кабинет на 9-м этаже, спросить Людмилу Михайловну Баш. К тому времени я уже год как сдал старослав, и мне казалось, что я вполне смогу преподавать церковнославянский язык (который, надо сказать, я если и изучал, то сам, между делом). Сейчас, двадцать лет спустя, я бы, наверное, хорошенько поразмыслил, прежде чем пускаться в такую авантюру. Но юность как раз и прекрасна своей импульсивностью — так что долго я не думал, а напрямик направился в указанную комнату.

Согласно законам жанра, этот абзац должен был бы начинаться с портрета Людмилы Михайловны и содержать описание моей первой встречи с ней. Не буду вводить читателя в заблуждение: я не очень хорошо помню, как прошла эта встреча, а портретист из меня плохой. Кажется, я был несколько удивлен и даже разочарован, увидев, какого маленького она роста (хотя, казалось бы, причем тут рост?). Помню, что сперва Людмила Михайловна обращалась ко мне на *вы* — как и принято в университете, но довольно быстро перешла на *ты*, и это выглядело вполне естественно, от этого *ты* как-то сразу сделалось тепло и уютно. В меня Людмила Михайловна поверила сразу, как, должно быть, готова была верить во всех молодых — и аспирантов, и студентов, и школьников. Было

решено, что я попробую свои силы — и действительно, спустя несколько недель состоялся мой дебют. Желавших изучать церковнославянский язык оказалось неожиданно много — несколько десятков, если не сотня, так что на первый раз мне даже выделили поточную аудиторию. Потом число моих слушателей сильно сократилось (так оно обычно и случалось): к концу года осталось вряд ли больше пяти-шести человек.

Кстати, о количестве участников семинара. В какой-то год я объявил семинар на тему, которую теперь, боюсь, точно и не вспомню, но это было нечто на пересечении филологии и богословия (может быть, что-то вроде «Евангелие в русской литературе»). Как всегда, в комнатку, рассчитанную на восемь человек, набилось народу раза в два-три больше. Людмила Михайловна сказала: «Федя, тебе нужно как-то их отсеять. Дай им, что ли, домашнее задание побольше». Ну что же — я задал домашнее задание: к следующему разу прочесть все четыре Евангелия и сравнить их друг с другом. На втором нашем занятии комнатенка на восемь человек показалась мне весьма просторной: слушателей было от силы человека три-четыре. Людмила Михайловна потом долго еще со смехом припоминала мне это мое домашнее задание, которое столь эффективно отсеяло ШЮФовцев.

Каждый год в октябре проходило первое собрание желающих учиться в ШЮФе. Это была всегда какая-то поточная аудитория, но мест для школьников и их родителей катастрофически не хватало. Что касается преподавателей, то мы и не пытались занять места на скамьях — приносили лишь несколько стульев, которые ставили перед столом, так что большинству из нас приходилось стоять. Иногда это напоминало автобус в час пик. Людмила Михайловна говорила о ШЮФе, представляла нас, а мы кратко презентовали свои лекции и семинары. В этом собрании, при всей его утомительности, я (думаю, и другие) черпал вдохновение: когда видишь столько горящих глаз, то, кажется, можешь горы свернуть.

В 1998 году я закончил филфак и, в соответствии со своей давнишней задумкой, собрался поступать в Московскую духовную семинарию. Первая моя попытка попасть в это учебное заведение состоялась сразу после окончания школы, в 1993 году, — и эта попытка была неудачной (впрочем, в конечном счете то, что я не поступил в семинарию в 17 лет, было как раз большой удачей). Теперь же, имея за плечами высшее образование и желание и дальше заниматься наукой, я, хоть и не менял своего решения, всё же оказался перед проблемой. И именно Людмила Михайловна была тем человеком, который, зная обо всех моих планах и сомнениях, надоумил меня поступить в заочную аспирантуру. А спустя четыре года, после моей предзащиты, Анатолий Фёдорович Журавлев, заведующий отделом славянского языкознания в Институте славяноведения и одновременно начальник Людмилы Михайловны в Этимологическом словаре, пригласил меня (несомненно, по ее подсказке) к себе в отдел.

Если мы оглянемся назад, то увидим, что в разные периоды жизни рядом с нами были люди, которые помогали нам принять важное решение — или же просто помогали; которые оказывали на нас благотворное влияние, подавали пример, поддерживали в трудных ситуациях. Думаю, не будет преувеличением сказать, что для десятков и сотен ШЮФовцев — и школьников, и их молодых преподавателей — таким помощником, советчиком и другом была Людмила Михайловна Баш. И мы, живущие в России и Америке, в Италии и Германии, по всему свету, будем хранить память о ней с любовью и благодарностью.

Ирина Полевая (Болохова)

Вдохновительница

Мы говорим ШЮФ и подразумеваем Людмилу Михайловну, мы говорим Людмила Михайловна и подразумеваем ШЮФ. Они сыграли решающую роль в моей жизни и для меня неразделимы. Поэтому то, что я написала, не о Людмиле Михайловне и о ней одновременно.

Когда я поступала на филологический факультет МГУ, я даже не знала о существовании Школы юного филолога. На первом курсе я подружилась с девочкой Машей из немецкой группы, которая предложила мне сделать вместе курс лекций по языкознанию для школьников. Вместе — потому что одной страшно. Ты студентка второго курса, 17-летняя девочка, стоишь перед целой аудиторией школьников, старше которых в лучшем случае года на три-четыре. А вдвоем — совсем другое дело!

Я немного колебалась, и Маша повела меня знакомиться с директором ШЮФа Людмилой Михайловной. На тот момент у меня был очень скудный опыт общения с директорами, училась я всегда в одной школе, где за все 10 лет директор не менялся. Несмотря на то что Людмила Михайловна держалась довольно строго и, если мне не изменяет память, чуть ли не сурово спросила, уверены ли мы, что готовы, на «обычного школьного директора» она была совсем непохожа. Потому что директор — это организатор, а Людмила Михайловна — вдохновитель. А это драматическая разница! Входя в лабораторию этимологических исследований, я еще сомневалась, а выходя, твердо знала, что очень хочу преподавать с Машей языкознание в ШЮФе.

Я не очень помню наше прослушивание, помню только, что мы очень волновались. Мы, конечно, обе были отличницами и собирались стать лингвистами, но что могут знать студентки, только сдавшие общий курс «Введение в языкознание»? Многие из «комиссии» сомневались, под силу ли нам, справимся ли мы, сможем ли вести вдвоем, но Людмила Михайловна посчитала, что если девочки пришли и очень хотят, то у них всё получится. Потом я сама не раз сидела в «комиссии» и прослушивала студентов и, наверное, сильно позже поняла, насколько удивительно точно Людмила Михайловна видела потенциал. Насколько

удивительно тонко могла направить рвение юных преподавателей в нужное русло, насколько удивительно осторожно могла сказать, что пока рано преподавать, так что люди не расставались с идеей учить школьников, а уходили с твердым желанием доработать курс и прийти еще раз.

Для меня Людмила Михайловна — в первую очередь олицетворение Школы, той, которая от древнегреческого «схоле». Те, кто ходил и преподавал в Школе юного филолога, меня прекрасно поймут.

ШЮФ — совсем не обычная школа, это школа в двойне, потому что в ней учатся не только школьники и не только университетским дисциплинам. Здесь вчерашние школьники и нынешние студенты учатся передавать свои знания. Если делать это в университетские годы, то не складировать знания на будущее, а, как сейчас модно говорить, в «режиме реального времени» перерабатываешь их, дополняешь и передаешь дальше.

Людмила Михайловна часто говорила, что девизом ШЮФа является латинская поговорка «docendo discimus» — «уча, учимся». Каждая пара — экзамен, где ты и отвечающий, и экзаменатор. Я преподаю уже (страшно сказать!) 11 лет и никогда так тщательно, долго, с таким упоением не готовилась к занятиям, как делала это в ШЮФе. Ведь всё в новинку, хочется столько всего рассказать, не откладывая, научить всему, что знаешь, здесь и сейчас. А какова доля ответственности, что тебе доверили юные умы? Горы свернешь, чтобы оправдать доверие самой Людмилы Михайловны!

Особой частью жизни ШЮФа и целым мероприятием были чаепития по разным случаям. Сама Людмила Михайловна, заместитель директора Дмитрий Анатольевич и все преподаватели, как «старожилы», так и только что присоединившиеся, пили чай и общались на рабочие и нерабочие темы. Я не любитель больших новых компаний, но мне повезло, потому что на моем первом чаепитии я опять же была с Машей, одна я бы сбежала. Но атмосфера чаепития всегда была настолько дружественная и объединяющая, что казалось: вокруг все свои, даже если ты знал всего пару человек. Каждое следующее чаепитие было роднее и роднее. Как-то мы с Машей испекли торт — бисквит, украшенный взбитыми сливками и фруктами, и Людмила Михайловна торжественно и с гордостью объявила, что девочки не только могут вместе вести языкознание, но еще и торты печь. На вечер мы стали «главными героями» ШЮФа, и даже «взрослые» преподаватели, учившие студентов в самом Университете, говорили, что очень вкусно и что мы большие молодцы.

На третьем курсе я стала преподавать английский в ШЮФе и, несмотря на море задумок, идей и желаний, свой «авторский» курс так и не сделала. Ни в ШЮФе, ни позже. Пока. Но и тогда, и сейчас на уроках английского я рассказываю школьникам про флективные и агглютинативные языки, про синтетические и аналитические формы, про типологию и многое другое, учу сопоставлять

английский с русским, французским или немецким. Ведь границы условны, и именно этому научили меня ШЮФ и Людмила Михайловна: утром ты по одну сторону парты, вечером — по другую, а на чаепитиях все сидят за одним большим общим, практически круглым столом.

И насколько удивительной должна быть атмосфера, чтобы только после напоминания осознать, что чаепития были педсоветом, а не приятными для всех посиделками?

Мария Сулимова (Притворова)

* * *

Поступив на первый курс и занявшись ШЮФовским сайтом, я решила уточнить у Людмилы Михайловны, точно ли она ДИРЕКТОР ШЮФа. К тому моменту я немного освоилась в Университете, наверное, поэтому мне и пришло в голову, что это слово как-то выпадает из университетской иерархии. Она ответила мне, что кому же еще руководить школой, как не директору?

И действительно, когда я впервые увидела Людмилу Михайловну в восьмом классе на лекции по Античности в 11-й поточной аудитории, сразу стало ясно, что директор — это именно она. Невысокого роста, в больших очках, она чем-то неуловимым напоминала мудрых директрис из романов о гимназистках. У ШЮФа тогда не было своего стенда, а под его расписание был отведен уголок на доске у 904 аудитории, где толпились другие старшеклассники с родителями и без. Глаза разбегались, что-то выбрать было сложно. Но общеобразовательная школа диктовала свое и пришлось ограничиться тремя днями в неделю: лекцией по истории, тремя семинарами и двумя языками. На следующий год я перешла в экстернат и стала ездить в ШЮФ каждый день. Какое же это было счастье!

Потом Людмила Михайловна рассказывала, что ШЮФовскую «систему факультативов» она ввела, вдохновившись свободой немецкой высшей школы — Гумбольдтского университета, в котором ей довелось побывать на стажировке во время учебы. Когда пришла моя очередь стажироваться там же, я гордилась, что уже знаю, как устроен учебный процесс. Кажется, я даже похвасталась кому-то из немецких преподавателей, что ходила в ШЮФ и поэтому во всем разбираюсь. На практике всё было не так уж и просто, ведь я знала: все предметы в расписании ужасно интересные, и совершенно непонятно, как из них можно что-то выбрать.

Придя школьницей в ШЮФ, я сразу попала под очарование его собраний, торжественных, но и наполненных легкой иронией. Для нас, школьников, это было первое соприкосновение с Московским университетом. Нельзя было не почувствовать, как дорог ШЮФ Людмиле Михайловне и другим преподавателям. Выпускники первого года получали вместе с сертификатом об окончании

в подарок «Словарь-попутчик для школьников», детище лаборатории этимологических исследований. А выпускникам второго и третьего года книги подбирались в зависимости от пройденных ими курсов. Еще Людмила Михайловна вручала маленькую «Аленку» (с каждого закрытия, наверное, можно набрать серию фотографий «вручение шоколадки»), потом все пели *Gaudeamus*. Как-то раз «Аленки» пропали из продажи. Людмила Михайловна в их поисках объездила несколько магазинов, но нигде не нашла. Пришлось их заменить другими шоколадками. Если на собрании становилось шумно, Людмила Михайловна звонила в колокольчик. Потом он потерялся, пару лет обходились без него. Но однажды Людмиле Михайловне подарили новый колокольчик, на подставке и с молоточком — и она торжественно принесла его на очередное собрание.

ШЮФовские чаепития, они же педсоветы, проходили после больших оргсобраний и круглых столов, а иногда и по менее значительным поводам. Это было место встречи новичков и маститых ШЮФовцев. Сколько людей там перезнакомилось! Сначала все вместе накрывали на стол (как правило, на кафедре истории зарубежной литературы), потом садились пить чай. Людмила Михайловна проверяла, хватало ли чашек и тарелок, у всех ли налит чай и лежит что-нибудь вкусенькое. А потом каждый по очереди рассказывал о своем курсе: что удалось, а что нет, что еще предстоит. Людмила Михайловна расспрашивала о планах на следующий год и тщательно заносила всё в свой блокнот.

Каждый, наверное, помнит любимые фразы Людмилы Михайловны о ШЮФе. «Дети голосуют ногами», — говорила она, когда кто-то сомневался, приживется новый семинар на необычную тему или нет. И тут же вспоминала, что в ШЮФе на некоторых семинарах, «как в Итоне» — на одного ученика один преподаватель. И, конечно, девиз — *Docendo discimus*.

Сколько я помню ШЮФ, всё время в нем что-то менялось, добавлялось, переставлялось. Одни начинания приживались и оставались надолго, например, творческие вечера или День науки. Что-то появлялось, а потом снова пропадало — например, экскурсии и походы в музеи. Что-то так и не прижилось. Но ко всем идеям и предложениям «снизу» Людмила Михайловна относилась с большим вниманием, и ШЮФ «вечно зеленел». Мы с Иррой Болоховой были на втором курсе и вели вдвоем семинар по языкознанию, когда на нас нашел стих делать стенгазеты. Людмила Михайловна, видимо, понимала, какое удовольствие нам доставляет процесс. В итоге за год мы сделали, кажется, четыре стенгазеты и завесили ими всё пространство вокруг ШЮФовского стенда.

Людмиле Михайловне была дорога «универсальность» ШЮФа. Она следила, чтобы в расписании для себя могли что-то найти юные лингвисты и литературоведы, будущие историки языка и синхронисты, начинающие классики, славяне и романо-германцы. Со всеми преподавателями она, казалось, с легкостью находила общий язык. Людмила Михайловна умела помирить и утешить, переживала,

если случался какой-то более серьезный конфликт. Собирая в ШЮФе преподавателей, таких разных по интересам, темпераменту и кругу общения, она учила нас жить общим делом, слушать, понимать и уважать друг друга. И шутила, что с отменой комсомола ШЮФ взял на себя его функции по воспитанию молодежи.

Людмила Михайловна не умела и не любила отказывать людям, приходящим на собеседование. Если курс очевидно не подходил ШЮФу, то она всегда просила кого-то сказать это за нее. А иногда, наоборот, оказывалась единственной, выступавшей за новый семинар. На моей памяти есть несколько случаев, когда тот или иной преподаватель попадал в ШЮФ по ее настоянию и, преподавая любимый предмет, менялся на глазах. В каждого Людмила Михайловна верила, и это для нас значило очень многое.

По понедельникам и средам (с 15 до 18!) в Словарь к ней тянулась вереница посетителей. Волновались и трепетали неофиты, которые только собирались открыть в начале учебного года в ШЮФе свой семинар и готовились к своему первому собеседованию. Состоявшиеся ШЮФовские преподаватели чувствовали себя увереннее, часто приходили с новыми планами. Заходили в Словарь и те, кто по каким-то причинам уже не мог в этом году вести в ШЮФе: поздороваться после лета, рассказать о себе, просто пообщаться. Казалось, что за разговорами с Людмилой Михайловной время течет иначе.

С Людмилой Михайловной можно было говорить обо всем на свете. Она замечала, если что-то было не так, расспрашивала и деликатно давала советы. Когда я на втором курсе страдала от несчастной любви (о которой я ей ничего не говорила, но, наверное, всё и так было ясно), у нее нашелся для меня томик Ахматовой. А на четвертом курсе я в каком-то запале набрала очень много дополнительных семинаров и подработок, так что у меня получилась рабоче-учебная неделя практически без перерывов. Посреди семестра Людмила Михайловна выловила меня в коридоре, отвела в Словарь и попросила составить для нее мое расписание. После чего очень мягко объяснила мне, что стоило подумать и о времени для отдыха. В тот же год, уже весной, я рассказала Л. М., что Рита Голубева работает над докладом о Страшном суде в немецкой средневековой литературе. «Да, Страшный суд — это как раз для нашего Дня науки тема», — заметила Людмила Михайловна.

Людмила Михайловна постоянно помогала и поддерживала всех своих подопечных, среди моих знакомых всегда было много людей, так или иначе ей обязанных. Поэтому я не удивилась, когда выяснилось, что даже моему мужу, выпускнику медицинского факультета, казалось, не имевшему до нашего знакомства никакого отношения к филфаку, она много лет назад, еще в школе, искала преподавателя по русскому языку.

В последние годы мы с Людмилой Михайловной чаще встречались у нее дома, чем в Университете. Это было связано и с ее самочувствием, и с тем, что я уехала

учиться в магистратуру по медиевистике в Германию. Людмила Михайловна радостно рассказывала о последних ШЮФовских новостях, делилась воспоминаниями о своих студенческих годах. Она любила вспоминать маленькое классическое отделение и своих преподавателей, тогда еще камерный факультет на Моховой и царивший на нём семейный дух. Мне кажется, именно этим духом были проникнуты и ШЮФовские посиделки.

Так вышло, что Людмила Михайловна открыла для меня «Балладу о маленьком буксире» Иосифа Бродского. Оказавшись в очередной раз на распутье, я пришла к ней за советом. Мы говорили о детских книжках, Людмила Михайловна достала издание «Баллады...» с иллюстрациями Олейникова. Отрывок, который она прочитала, оказался созвучен моим мыслям:

И хотя я горюю,
что вот я не моряк,
и хотя я тоскую
о прекрасных морях,
и хоть горько прощаться
с кораблем дорогим,
**НО Я ДОЛЖЕН ОСТАТЬСЯ
ТАМ,
ГДЕ НУЖЕН ДРУГИМ.**

Сейчас мне кажется, что вряд ли можно точнее рассказать, чем жила сама Людмила Михайловна.

Илья Стрекалов

В благодарность за поддержку

Странно, что так часто мы осознаем важность тех или иных событий, людей в нашей жизни постфактум, когда события давно прошли, а люди ушли из жизни. В конце 2012 — начале 2013 года я искал хоть какую-то работу в качестве преподавателя. Я всегда интересовался отечественной историей и, будучи второкурсником юрфака, собрал много материала по истории и решил сделать курс лекций, например, на тему «Эпоха и личность Ивана Грозного». Я пробовал вести такой курс, но эта первая попытка провалилась. Весной 2013 года я связывался со школами юных. Это образовательные учреждения для школьников, которые устанавливают связь между МГУ и средней школой, наукой и образованием, если говорить шире. Это очень полезное дело. Но, увы, мой голос не был услышан ни в одной из школ юных — ни в одной, кроме Школы юного филолога. Этот шанс оказался для меня единственным и правильным!

С директором школы Людмилой Михайловной Баш я не был знаком до первой нашей встречи в сентябре 2013 года. По почте Оля Кузнецова (тогда она общалась со всеми преподавателями и кандидатами в них, если так можно выразиться) сообщила мне, что нужно принести план курса, материалы и уметь рассказать о том, что я собираюсь преподавать. Помню, какое волнение я ощущал, когда первый раз шел к Людмиле Михайловне на встречу в 1-й учебный корпус. На самом деле, волновался я напрасно: она была крайне доброжелательным человеком, хотя и настороженно относилась ко мне как к человеку с другого факультета, ведь обычно в ШЮФе преподают филологи. Помню, как во время того разговора в лабораторию этимологических исследований — именно ее научным сотрудником была Л. М. — вошла Маша Баликова, которая сейчас занимается театральной студией ШЮФ.

Однако один тонкий нюанс мне во время рассказа о своем курсе проскочить не удалось: речь зашла об оценках истории нашей страны в XX веке, о Ленине, Сталине и так далее. Людмила Михайловна, будучи честным, не очень хорошо оценила мою трактовку этих событий и вообще советского периода в жизни нашей страны. Я понимал, что за этим скрывается, например, душевная боль филолога,

посвятившего жизнь изучению литературы, написанной замечательными людьми, порой несправедливо гонимыми властью и идеологией в тот период. Но от своих взглядов я не отступился и не отступаюсь, при этом понимаю, что сколько-нибудь объективный подход быть должен всегда и везде. Хотя подобный камень преткновения мог стать роковым для меня как для кандидата в преподаватели, Людмила Михайловна тонко (и, опять же, это ее заслуга — не грубить, а тонко и мягко намекнуть человеку!) подсказала мне путь решения проблемы — попробовать пересмотреть слишком однозначную оценку этого периода в истории нашей страны, чтобы на публичной защите нового курса лекций перед комиссией преподавателей получить одобрение. Это я и сделал, посоветовавшись с учеными-историками, которые преподавали мне предмет на 1 курсе. И спустя пару недель ближе к октябрю все каверзные вопросы отпали сами собой. Я, наверное, с полчаса как мог держал удар перед преподавателями комиссии, в которой были разные люди: кто-то оптимистичнее и благожелательнее, как Маша Балаикова или Оля Кузнецова, а кто-то — гораздо серьезнее и строже, как, например, А. М. Белов; нашлись и такие же, как я — сторонники коммунистической идеологии, в частности, А. А. Малиновский. Во время собеседования я сидел на месте преподавателя и показывал часть своего занятия, отвечал на вопросы семи членов комиссии, всё это произвело на меня впечатление. Но больше всех меня поразила Людмила Михайловна, в своей удивительной клетчатой кепке, с интересом наблюдавшая за моей реакцией на вопросы. Было непросто, но у меня получилось пройти собеседование, и с октября я начал вести свой курс лекций. Людмила Михайловна назвала мой новый курс «Спорные моменты истории России» поразительно точно «театром одного актера», ведь лекции можно читать совершенно по-разному, но мой стиль оказался именно таким.

Конечно, я для ШЮФа и филфака в любом случае человек со стороны, и это нормально. В каждом сплоченном коллективе, в том числе в профессиональном, есть своя атмосфера, которая другим бывает редко понятна. Я воспринимаю все это совершенно спокойно. Другое дело, что Людмила Михайловна, наверное, искренне хотела, чтобы и я тоже как-то присоединился к этому коллективу. Она хотела показать мне, что филологи — люди интересные, с ними можно о чем-то пообщаться. И я в этом ее понимаю. Действительно, чем больше я бывал на разных мероприятиях Школы, тем лучше осознавал, что все это интересно, увлекательно, позволяет отвлечься от рутинной учебы на своем факультете. У меня сложились совсем принципиально новые, хорошие отношения с коллегами-преподавателями. Сама Людмила Михайловна, уже не проводя каких-либо особых испытаний, одобрила мой второй курс лекций — «История Великобритании XX века в творчестве Агаты Кристи. Цикл об Эрколе Пуаро». Новый 2014—2015 учебный год она по-прежнему открывала как директор Школы, всё прошло замечательно, в том числе и последовавший педсовет в форме чаепития.

Людмила Михайловна, помню, посмеялась, как я, по ее мнению, с некой презрительностью сказал, что курс по истории Англии и Агате Кристи содержит в себе «филологические» аспекты. Конечно, это не было сказано с каким-то умыслом, просто, очевидно, я в очередной раз смешно выразился, в чем ничего страшного нет. Я эту шутку запомнил и, как вспоминаю, часто смеюсь...

15 ноября 2014 года состоялся «Литературный карнавал» в ШЮФ — ребята загадывали литературных персонажей, кто-то действительно переоделся как на карнавал и очень интересно загадал героя. И, казалось, ничто не предвещало плохого. Но после мероприятия Оля Кузнецова попросила всех остаться для важного сообщения. Умерла Людмила Михайловна.... И ведь по сравнению с некоторыми другими людьми, имевшими отношение к ШЮФ, я знал ее совсем немного, но мне стало очень грустно. По крайней мере, потому, что умер еще один неплохой человек.

Я все школьные годы был историком по любви, если так можно выразиться. Делал научно-исследовательские работы несколько лет, затем сильно сдал государственный экзамен по истории, на 1 курсе историю Отечества нам преподавали два замечательных ученых. Со 2 курса стал выступать на научных конференциях в РГАСПИ (Архив социально-политической истории).

Начало преподавания отечественной истории в Школе юного филолога стало новым и важным этапом в моей жизни историка. За два года я прочел два с лишним десятка лекций. Вряд ли это было бы возможно без поддержки, понимания, внимания Людмилы Михайловны Баш, директора ШЮФ. Именно с ее подачи я встал на качественно новый для себя этап как историка — на этап преподавания истории.

1 ноября того же года ушел из жизни профессор А. В. Квакин, который читал и вел историю Отечества у меня на 1 курсе. Один из комментаторов этой печальной новости на сайте профессора сказал: «Лучшие уходят незаметно...» Я просто не мог в это поверить. Да, это высказывание, пожалуй, верно, ведь я узнал о его смерти спустя две недели, и вот, увы, почти сразу после этой новости умерла Людмила Михайловна. Таким людям, как она, я всегда буду благодарен за столь важную роль в моем профессиональном и личном становлении. Благодаря Людмиле Михайловне я начал свой непростой, но очень интересный путь преподавателя истории Отечества.

Екатерина Новикова

Директор волшебной школы

Когда я, тогда еще старшеклассница, впервые попала на организационное собрание Школы юного филолога, для меня всё, что я видела вокруг, было одновременно и в диковинку, и в то же время казалось очень правильным, закономерным. Всё было именно так, как и должно было быть: аудитория, где каждый новый ряд выше предыдущего, где много-много народу, школьники и их родители распределились в пространстве аудитории, а напротив них, около доски, малой дугой расположились преподаватели. Все они были настолько разные и интересные, что я до сих пор помню их лица, одежду, кто где стоял. А посередине, между ними, была Людмила Михайловна. Я скользила взглядом от одного преподавателя к другому, и постепенно мне начинало казаться, что это волшебники, возглавляемые директором волшебной школы. И именно таким должен был быть в моем понимании великий волшебник — маленький и хрупкий с виду, но сильный и мудрый внутри. И обязательно с очень своеобразным чувством юмора.

Людмила Михайловна, сколько я ее знала (а это около десяти лет), всегда своим примером убеждала меня в том, что совершенно не нужно делать то, к чему у тебя не лежит душа. И наоборот, если ты имеешь к чему-то склонность, то это необходимо хотя бы сохранять, а еще лучше — развивать в себе и воспитывать, только тогда ты сможешь хоть немного приблизиться к этим замечательным волшебникам, которые переносят тебя в другой мир, вроде бы и сказочный, но в то же время абсолютно реальный — в мир слов и идей.

Мне всегда казалось, что Л. М. как никто умела принимать людей такими, какие они есть. Эта особенно важная черта ее открылась мне позже, уже когда я сама стала преподавать в ШЮФе. Когда человеку дают свободу, он потом очень остро реагирует на попытки ее ограничить, если вдруг возникает такая необходимость. Именно поэтому, наверное, с Л. М. не всегда и не все преподаватели ШЮФа сходились во мнении по разнообразным организационным вопросам. Но умение Л. М. брать ответственность на себя и принимать волевые решения нередко спасало даже очень непростые ситуации.

Я всегда буду благодарна Л. М., и не только за то, что она была мудрым и справедливым руководителем в то время, когда я уже начала преподавать, но и за то, что именно благодаря ей я на исходе своей школьной поры, вместо того чтобы утратить способность мечтать, как это бывает с возрастом, наоборот, заново научилась верить в добрые сказки. Например, в сказку о том, что есть на свете волшебная школа, где преподаватели рассказывают диковинные вещи о языках и литературах, о загадочных науках, имеющих дело с человеческим словом, а значит, и со способностью человека быть волшебником и создавать мир вокруг себя.

Если бы у волшебной школы не было мудрого и искреннего директора, не собирались бы каждый год и ни за что бы никогда не работали вместе все эти преподаватели: и с учеными степенями, и повзрослевшие студенты, каждый из своего мира и со своим характером — подобного которому не будет уже никогда. И моих первых учителей-филологов я бы, возможно, никогда не встретила, если бы не было Людмилы Михайловны у этой волшебной школы. Спасибо Вам, Людмила Михайловна.

Мое знакомство с Людмилой Михайловной Баш состоялось в 2005 году. Я заканчивала второй курс филологического факультета Московского университета, Людмила Михайловна возглавляла Школу юного филолога (ШЮФ) при филфаке. Моя специальность — русский язык и литература — не позволяли мне в то время заниматься творчеством писателей Латинской Америки, внезапным увлечением первых университетских лет. В поисках какого-нибудь выхода из сложившейся ситуации я познакомилась с ШЮФом и узнала о том, что студенты могут не только попробовать там свои силы в преподавании, но и — что, наверное, наиболее значимо, концептуально — предложить собственный интересный лингвистический или литературоведческий курс школьникам 8—10 классов и таким образом сделать первые шаги на своем личном научном поприще. С «Экскурсами в историю литературы Латинской Америки» в голове я и вошла в кабинет Людмилы Михайловны... Смущалась безумно! Запинаясь и краснея, поведала ей о своих творческих проблемах и робких надеждах на место в ШЮФе. Неудивительно, что сначала Людмила Михайловна меня не поняла и с живейшим участием спросила, в каком я классе и на какой курс хочу записаться. Позже, когда все разъяснилось, мы долго сидели в ее кабинете, обсуждали мой будущий курс, знакомились, узнавали друг друга. Благодаря Людмиле Михайловне сбывались мои самые смелые мечты...

Сейчас, по прошествии многих лет, я понимаю, что Людмила Михайловна обладала поистине «человеческим талантом», о котором писал еще великий классик Чехов. Ей достаточно было взгляда, чтобы *увидеть* человека, разглядеть в нем главное, самое важное, сущностное! Необыкновенно чуткая, предупредительная, с присущим ей тактом, Людмила Михайловна всегда изумяла своей способностью и — что важнее — готовностью помочь тому, кто нуждался в ее помощи. Она беспокоилась за учеников ШЮФа, тревожилась за его преподавателей, общалась с учениками — посетителями Школы и их родителями, устраивала специальные Дни науки для детей ШЮФа с последующей возможностью издать доклады юных исследователей, собирала преподавательские посиделки,

которые каждый из нас вспоминает с теплотой и признательностью. Другими словами, она переживала за свое *дело*, которым руководила не один год — с любовью, с искренней верой в необходимость Школы. Ее организаторский дар позволил ей разглядеть в детях, пришедших в ШЮФ, — а мы тогда все были детьми: и ученики, и учителя — будущих кандидатов наук, авторов учебников, преподавателей кафедр, основателей серьезных тренингов и научных интернет-сообществ... Она всегда готова была выслушать — и не только излияния молодых преподавателей об отдельных аспектах их курсов. Вообще, Людмила Михайловна всегда с уважением относилась к нашей личной «педагогической кухне», вполне доверяя ШЮФовскому коллективу! Важнее всего то, что с ней легко было говорить по душам, откровенно, «сверить» свои опасения и тревоги с ее опытом и авторитетным мнением.

Внимательность Людмилы Михайловны к заботам ее подопечных распространилась далеко за пределы университета. Однажды в жизни мне пришлось столкнуться с ситуацией, когда близкому другу нужна была работа в столице, найти самостоятельно не удавалось. Обращаясь за помощью к Людмиле Михайловне, я описала тяготы знакомого на предыдущем месте работы, не имеющем никакого отношения к интеллектуальному труду, не позволяющему думающему человеку даже читать в свободное время. Просьба была более чем личной... Через неделю мой товарищ прошел собеседование и смог начать новую жизнь.

Людмила Михайловна была жизнерадостной, умной, обаятельной женщиной, великодушным, интеллигентным и отзывчивым человеком, *светлой* личностью... Светлая ей память!

Д. А. Иванов

* * *

С Людмилой Михайловной я познакомился почти случайно, прочитав объявление, висевшее на факультете: все желающие из числа студентов-старшекурсников и аспирантов приглашались попробовать себя в качестве преподавателей Школы юного филолога. Кажется, это было весной 1995 года, я как раз переходил на пятый курс, и объявление меня заинтересовало, хотя ни о какой школе подобного рода я до этого не слышал. Позднее оказалось, что ШЮФ на факультете работал уже давно, но Людмила Михайловна возглавила его лишь за два или три года до этого и на первых порах искала новых преподавателей практически наугад (время, когда они стали приходиться сами, по рекомендации или просто на основании витавших в воздухе слухов, наступило позднее). Впрочем, тогда и учащихся Школы юного филолога — московских старшеклассников — тоже приходилось приглашать с помощью объявлений в газетах «Вечерняя Москва» и «Московский университет», и было их совсем не так много, как сегодня.

Все еще только начиналось, однако у Людмилы Михайловны уже тогда были твердые представления о том, как должна быть устроена ее школа, и удивительно, что за прошедшие с тех пор двадцать с лишним лет они не претерпели кардинальных изменений. Мне кажется, что сегодня, спустя почти год после кончины Людмилы Михайловны, стоит вспомнить эти принципы, потому что в них по-своему очень выразительно проступают черты ее личности.

Прежде всего, и преподаватели ШЮФа, и посещавшие его школьники пользовались свободой выбора, совершенно необычной даже в стенах... Московского университета свободой выбора — что преподавать, как преподавать, чему и в каком объеме учиться. Преподаватели сами придумывали и предлагали темы для своих семинаров, дети (и их родители) сами решали, сколько занятий в неделю и какие именно они будут посещать. И те и другие при этом руководствовались по большей части исключительно собственными научными — университетскими и школьными — интересами. Людмила Михайловна сразу выбрала направление, увидевшее ШЮФ от прагматической нацеленности на подготовку к вступительным экзаменам в университет. «Для этого, — говорила она, — на факультете

есть подготовительные курсы. А ШЮФ — это для души и расширения кругозора». Дальновидность этого решения стала ясна позже, уже в 2000-е годы, когда началась реформа школьного образования. Отмена вступительных экзаменов в вуз и переход к единому государственному экзамену в школах, так болезненно давшиеся всем, кому пришлось с этим столкнуться, никак не сказались на работе ШЮФа, где по-прежнему преподавали специализированные филологические (и не только филологические) предметы.

Людмила Михайловна справедливо считала, что самостоятельность преподавателя — залог его ответственности перед учениками, а творческая свобода в выборе темы семинара — залог качества его преподавания. Она старалась по возможности посещать все семинары своей школы, но ее присутствие никогда не было навязчивым или обременительным. Ее глубокое внутреннее уважение и доверие — это то, с чем сталкивались все студенты и аспиранты, впервые пришедшие преподавать в ШЮФ. Признаюсь, порой мне казалось, что отбор новых преподавателей следовало бы проводить более строго, но Людмила Михайловна считала, что наше дело — предоставить шанс проявить себя как можно большему числу молодых людей. Вообще-то школы юных существовали и существуют буквально на всех факультетах МГУ, но Людмила Михайловна никогда не воспринимала свою работу в ШЮФе как будничное отправление административных обязанностей: для нее это была своего рода миссия, цель которой — помочь как можно большему числу студентов состояться в человеческом и профессиональном отношении. Я могу ошибаться, но мне кажется, что сама идея привлекать к преподаванию в ШЮФе не штатных сотрудников факультета, а студентов тоже принадлежала именно Людмиле Михайловне. «[Dum] docemus, discimus», — любила повторять она, вкладывая в эти крылатые слова особенный смысл: именно тому, кто пока еще учится сам, в первую очередь и надлежит выступать в качестве учителя.

Далее, Людмила Михайловна придумала и воплотила те формы общественно-го ритуала, своего рода символической составляющей жизни школы, благодаря которым ШЮФ стал событием в жизни всех, кто с ним соприкасался. При этом Людмиле Михайловне совсем не были свойственны чрезмерная серьезность или склонность к излишнему пафосу. Она обладала удивительным качеством — практически всегда сохранять естественность. Даже на общих собраниях ШЮФа, обращаясь к полной аудитории школьников и их родителей, впервые пришедших в университет, она говорила с позиции взрослого, который беседует с умными, но всё же пока еще детьми. Традиционный и вполне ученый рассказ об этимологии русского слова «школа», открывавший каждое такое собрание в начале учебного года, у Людмилы Михайловны непринужденно сменялся присказкой: «Усы, лапы и хвост — вот наши документы», — в ответ на витавший в воздухе вопрос о том, что именно школьнику приносить с собой для записи в ШЮФ. Казенщина, официальность, равно как и снисходительное пренебрежение, высокомерие были

чужды ей органически — и между преподавателями, и на занятиях со школьниками изначально утвердился стиль общения, основанный на дружелюбии и открытости. Особая человеческая атмосфера, царившая в ШЮФе благодаря Людмиле Михайловне более двадцати лет, была очень важна — быть может, не менее важна, чем собственно филологические штудии.

Но при этом школа жила в соответствии с установившимся ежегодным расписанием, придерживаться которого Людмила Михайловна считала очень важным. Общее собрание в начале учебного года и такое же собрание в конце — традиционные события в жизни любого учебного заведения, но кроме этого в ШЮФе были предусмотрены ежегодный прием новых преподавателей, регулярные совместные чаепития с разбором текущих дел, круглые столы и Дни науки с участием школьников. А еще благодаря Людмиле Михайловне была разработана сложная система учета успеваемости учащихся, а также их поощрения в конце года — с вручением сертификатов и книг по специальности в качестве выпускного подарка. А еще — непереносимое исполнение студенческого гимна «*Gaudeamus Igitur*» в конце каждого учебного года вместе с новоиспеченными выпускниками Школы юного филолога, в знак их приобщения к духу студенчества. И хотя разговоры о том, что школе хорошо бы обзавестись собственным гимном, а заодно гербом и флагом, так и остались разговорами, отличительный знак принадлежности к ШЮФу Людмила Михайловна все-таки выпустить успела — в виде лигатуры из латинских букв F, C, V (*floreat, crescat, vivat* — пусть цветет, растет и живет).

Казалось бы, мелочь, но очень характерная для Людмилы Михайловны — практически ни одного организационного решения в школе она не принимала самостоятельно, не посоветовавшись, как она это называла, с педсоветом, «малым» или «большим», то есть с более или менее широким кругом своих преподавателей. И вовсе не потому, что не знала, как поступить в той или иной ситуации. Просто в этом также проявлялось ее отношение к ШЮФу как к общему делу: ей хотелось, чтобы все были вовлечены, все участвовали в жизни школы. И многие с энтузиазмом участвовали — всегда находились те, кто следил за доской объявлений, отвечал за выдачу пропусков, за составление расписания, за разные организационные мелочи, за создание и ведение сайта, за финансовые расчеты с бухгалтерией, за связь с «внешним миром», выдачу сертификатов и т. д., — и благодаря их работе школа существовала не просто как хорошо налаженное подразделение факультета, но еще и как совместное и очень увлекательное дело.

Но больше всех, разумеется, была загружена работой сама Людмила Михайловна. Даже в последние годы, когда она уже неважно себя чувствовала и ей тяжело было отдавать себя ШЮФу так же, как прежде, она по-прежнему старалась входить во все детали и помогать каждому по мере сил. На протяжении более чем двадцати лет ей приходилось заниматься сразу всем: служить лицом школы для школьников и их родителей — и она была очень открыта для бесконечных вопросов, просьб

и предложений, которые сыпались на нее с этой стороны; представлять школу на факультете — и мы всегда были уверены, что ШЮФ может рассчитывать на внимание и помощь как декана, так и других сотрудников; служить центром притяжения для преподавателей ШЮФа — и к ней шли не только с вопросами, непосредственно касающимися занятий, но и с тысячами других больших и малых дел. Служение Школе юного филолога у Людмилы Михайловны не ограничивалось только тем временем, которое она проводила на факультете — буквально каждый день ее домашний телефон разрывался от звонков, на которые она всегда обстоятельно отвечала.

И еще она была настоящим бесребреником. Приведу только один, но очень характерный пример. В 2010 году ректорат провел своеобразный смотр школьных на всех своих факультетах с намерением выделить и наградить лучших. Людмила Михайловна подошла к делу очень ответственно, и под ее руководством был составлен подробный отчет о деятельности ШЮФа. Не знаю, как на других факультетах, но нам для этого пришлось потрудиться — нам было, о чем рассказывать, и подробное описание всех аспектов работы наших преподавателей заняло немало страниц. В результате Школа юного филолога была признана одной из лучших в МГУ, а ее руководителю — Людмиле Михайловне — выписана внушительных размеров денежная премия. Людмила Михайловна тут же решила, что эти деньги — общие и пойдут на то, чтобы наши наиболее активные и заслуживающие поддержки преподаватели и помощники получили небольшую прибавку к своим более чем скромным зарплатам. При этом она хотела отдать все без остатка — мне стоило немалых трудов уговорить ее хоть что-то оставить себе, и это при том, что уже в то время Людмила Михайловна проходила дорогостоящие врачебные процедуры, постоянно требовавшие средств.

За этим и другими подобными поступками стояло еще одно характерное качество Людмилы Михайловны, которое ощущали все, кому доводилось общаться с ней сколько-нибудь продолжительное время. Это ее готовность заботиться о каждом, кто оказывался в поле ее притяжения, причем заботиться самым деятельным образом, досконально вникая в учебные, бытовые, личные и какие угодно еще обстоятельства, если, по ее мнению, человеку требовалась помощь. В частности, в ШЮФе это проявлялось вот каким образом: Людмила Михайловна с самого начала придерживалась строгой финансовой политики — она считала, что занятия должны быть бесплатными для школьников и их родителей, но преподаватели школы за свой труд должны получать пусть небольшие, но деньги. Придерживаться этих, в общем-то взаимоисключающих, принципов было совсем не просто, но благодаря настойчивости Людмилы Михайловны и поддержки, которую всегда оказывала ШЮФу декан факультета Марина Леонтьевна Ремнева, в целом мы от них никогда не отступали. И сколько бы неудобств нам ни доставляло постоянное оформление множества бумаг, как бы ни были малы наши зарплаты, Людмила Михайловна неизменно говорила: «Всякий труд должен быть оплачен».

Но одними «ШЮФовскими» зарплатами дело не ограничивалось. Людмила Михайловна старалась сделать все возможное для тех, кто, по ее мнению, в этом нуждался. Вспомнить, для какого количества студентов и аспирантов, особенно иногородних или просто живших на одну стипендию, она в свое время находила подработку, а то и полноценную работу, сейчас уже не представляется возможным. Обладая поистине обширным кругом знакомств (порой мне казалось, что она знала пол-Москвы), Людмила Михайловна, когда это было необходимо, могла обратиться к совершенно далекому от ШЮФа и даже университета человеку за помощью для очередного своего подопечного. Она очень радовалась, когда кто-то из наших выпускников устраивался на работу в университете или еще каким-то образом оставался в профессии. «Повсюду должны быть наши люди», — любила она шутить по таким поводам.

Сошлюсь на свой опыт: я уже почти двадцать лет работаю на филфаке во многом благодаря тому, что в свое время она рекомендовала меня тем, от кого это зависело. Причем известно мне об этом стало совсем недавно — примерно за год до своего ухода Людмила Михайловна вдруг рассказала мне про те давние события. Но даже этот, очень важный для меня эпизод — далеко не единственное, за что я бы и остаюсь ей безмерно благодарен.

Поистине трудно сказать, какое количество окружавших ее людей получали от нее помощь и поддержку не только профессионального, но и другого, самого разного рода — касалось ли дело университета, улучшения бытовых условий, поисков врача, конфликтов в личной жизни или экзистенциального кризиса. Для всех она находила и время, и правильные слова, и подходящие решения. На ее похоронах незнакомая мне дама произнесла слова, глубоко меня поразившие: «Она столько для меня делала, что мне всегда казалось, будто у нее совсем нет никаких других занятий, кроме как возиться с моими проблемами». То же самое о Людмиле Михайловне мог бы сказать и я, и, насколько мне известно, еще не один десяток человек. А скольких других мы просто не знали? Людмила Михайловна никогда не афишировала эту свою деятельность — она вообще во многом была человеком закрытым и редко жаловалась на собственные трудности и болезни, которые одолевали ее, как и всякого другого.

Если же вернуться к ШЮФу, о благополучии и будущем которого Людмила Михайловна печалась до самого конца, то последний и главный принцип, на котором наша школа держалась всё это время и, надеюсь, будет держаться дальше, звучит так: просвещение и благодеяние идут рука об руку, занимаясь одним, неизменно творишь и другое. Людмила Михайловна любила повторять: «Человек, в жизни прочитавший хотя бы одно стихотворение, сильно задумается, прежде чем взять в руки оружие». То, что она приобщила к этой своей вере в разумный гуманизм целое поколение нынешних и бывших студентов МГУ, само по себе служит лучшим памятником ее удивительной жизни.

Анастасия Полторацкая

Из воспоминаний о Людмиле Михайловне Баш

С Людмилой Михайловной Баш меня связывали далеко не только рабочие отношения, но и личные. Я пришла преподавать в ШЮФ, под руководство Людмилы Михайловны, после окончания Университета, в начале 2000-х годов. Это было время моей аспирантской юности, время научного становления и поисков, нащупывания своего пути. Занимаясь диссертацией, я стала параллельно преподавать в ШЮФе, и хотя это был далеко не первый опыт моей преподавательской деятельности, работать там мне очень понравилось: удовольствие, связанное с взаимоотдачей было выше, чем где-либо еще, чему в значительной мере способствовала свободная творческая обстановка, поддержка и понимание со стороны руководителей: директора Людмилы Михайловны Баш и ее заместителя Дмитрия Анатольевича Иванова.

С Людмилой Михайловной Баш связан существенный отрезок моей жизни. Зная ее столько лет, я могу с уверенностью утверждать, что она была уникальным человеком. Человеком, о котором можно сказать словами Иосифа Бродского: «Могущий две бездны вместить, третью почует». Людмила Михайловна стала для меня не только и не столько начальником, сколько старшим товарищем, Другом, коллегой, близким и дорогим человеком.

За годы общения у нас сложились очень теплые отношения. На одном из творческих вечеров, посвященных Иосифу Бродскому, которые я проводила в рамках своего семинара, Людмила Михайловна познакомилась с моими родителями и с тех пор всегда передавала им привет и спрашивалась об их здоровье. Они в свою очередь тоже прониклись к Людмиле Михайловне глубокой симпатией, поздравляли ее с праздниками, спрашивали о ней; часто в нашей семье звучало ее имя. Зачастую я что-то рассказывала о жизни нашего факультета, о Школе юного филолога и своих университетских знакомых. «Я не перестаю удивляться благородству Людмилы Михайловны!» — восклицала не раз моя мама.

Людмила Михайловна была для меня одним из самых уважаемых и близких людей в университете. Этот человек очень много для меня сделал. Теперь, когда ее не стало, я чувствую недостающее звено в своей жизни, и мне ее не хватает.

Как и другие ушедшие близкие люди, Людмила Михайловна осталась в моей душе. Я не вспоминаю ее, а помню. Мне нелегко писать о ней, т. к. с этим человеком у меня связано много личного. И всё же поделюсь кое-какими воспоминаниями и ощущениями от общения с этим замечательным человеком.

Людмила Михайловна была очень образованным человеком, необычайно умным и тонким и, помимо организаторских способностей и жизненной мудрости, обладала еще многими талантами, в первую очередь особым талантом души: даром понимания. Этот дар — широко воспринимать реальность и глубоко понимать и чувствовать людей — доступен редким носителям неограниченного сознания.

В каждом преподавателе ШЮФа Людмила Михайловна видела индивидуальность с ее неповторимым внутренним миром, сложным и многообразным. К каждому из нас Людмила Михайловна находила подход; с каждым у нее была особая грань отношений. Благодаря своему феноменальному таланту понимать людей, Людмила Михайловна объединяла нас — столь разных, — наши сильные стороны обращала в рост, сглаживала острые углы в межличностных отношениях и всегда помогала каждому проявить себя, раскрыться, применить свои знания и умения с пользой для всех. «Docendo discimus», — нередко повторяла она древнюю мудрость.

Будучи человеком глубоко интеллигентным в самом широком смысле этого слова, Людмила Михайловна отличалась толерантностью: она всегда советовалась с коллективом в принятии различных решений. Ее решения подчас были нестандартными: так как, обладая редкой широтой мышления, Людмила Михайловна не ограничивалась подходом формальной логики, видя проблему со всех сторон, более глубоко, проявляя огромное терпение и гуманизм. Она вникала в проблемные ситуации и всегда находила оптимальные решения, основанные на компромиссе. Среди филологов нередко встречаются творческие люди: необычные, со своеобразным видением действительности, иррациональные по натуре, поведение которых не всегда адекватно соответствует стереотипам. Видя во многих из них живое творческое начало, Людмила Михайловна вникала в их положение и подходила к ним с позиции исключения, принимала этих людей, несмотря на то, что руководителю намного удобнее было бы иметь дело с заурядными обывателями. Благодаря индивидуальному подходу Людмилы Михайловны к людям, ШЮФ отличался «лицом необщим выраженьем». И, несмотря на личностные особенности его преподавателей, сферы их научных и творческих интересов и различные жизненные приоритеты, ШЮФ был единым сплоченным коллективом, в котором царил атмосфера взаимоуважения и стремления к постоянному творческому росту.

Людмила Михайловна общалась с колоссальным количеством людей. Это общение было в первую очередь человеческим. Как хороший психолог, она видела,

когда нужна тому или иному человеку и именно в этот момент появлялась в его жизни. Несмотря на свою огромную занятость и проблемы со здоровьем, она для всех находила время: выслушать, дать совет, многим помочь определиться в жизни. Думаю, что нет человека из ее окружения, в котором она не приняла бы душевного участия. Она всем старалась прийти на помощь даже тогда, когда болела, плохо себя чувствовала; нередко пересиливала себя, скрывая свое состояние. Почти в каждом человеке Людмила Михайловна видела положительное начало и до последнего верила в людей, стимулируя их к духовному росту.

Людмила Михайловна была таким человеком, с которым было приятно общаться. С ней можно было обсудить любые темы: от философских до личных. Она всегда внимательно выслушает, подумает и даст искренний и мудрый совет. К тому же она обладала ценным умением хранить секреты. Иногда она непостижимым образом предсказывала события или то, о чем я ей собиралась поведать. Меня всегда восхищала эта ее особенность. «Людмила Михайловна, Вы, как снайпер: попадаете в цель», — сказала я ей однажды. «У меня такая интуиция», — благосклонно ответила она. В любой, даже непростой, жизненной ситуации, Людмила Михайловна находила разумный и позитивный момент. Она всегда видела выход и подбадривала, поддерживала людей, прибегая к своему удивительному тонкому чувству юмора. Юмор она использовала часто, как защитное средство в условиях далекой от идеала действительности. Думаю, это было частью ее жизненной философии.

Несмотря на ответственную должность, подкрепленную высоким авторитетом и солидными знаниями, Людмила Михайловна держалась со всеми без малейшей тени высокомерия; апломб, равно как и категоричность, были ей чужды. Я ни разу не слышала, чтобы она повысила на кого-то голос: всегда говорила спокойно, ровно, убедительно. И даже в трудные жизненные периоды, когда болел ее супруг, Илья Борисович, и когда болела она сама, можно лишь было удивляться ее выдержке и спокойствию.

Меня всегда поражало ее чувство меры, чувство вкуса: во всем. Она знала, как пошутить, как поощрить человека, а как ему деликатно намекнуть, что он не прав в каком-то щекотливом вопросе; чувствовала тонкие нюансы настроения, движения души и находила точные и подходящие слова. Это касалось и манеры одеваться: все ее наряды были тщательно продуманы, отличались изяществом и удивительно шли ей.

* * *

Жизненная мудрость, солидные знания, широкая эрудиция, ум, организаторские способности, глубокое понимание жизни, тонкий юмор, природная любознательность... Но больше всего меня привлекало ее великодушие: качество,

которое я особенно ценю в людях. Людмила Михайловна всем, даже не раз оступившимся, давала шанс. Не отличаясь демонстративным альтруизмом, Людмила Михайловна поистине жила для людей и сыграла огромную роль в жизни очень и очень многих.

В ходе общения с Людмилой Михайловной ко мне пришло ощущение того, что она очень сложный человек и закрытый; в чем-то, возможно, и противоречивый, живущий помимо всего прочего своей скрытой внутренней жизнью. Иногда в ней чувствовался дух озорства, спрятанный где-то в глубинах души и лишь в редкие моменты вырывавшийся наружу... Эта женщина сумела сохранить в себе такое редкое качество, как молодость души: с ней всегда было легко общаться. Мне казалось, что то, что составляет сферу моих интересов, интересно и ей. С ней — с одной из первых — мне хотелось поделиться своими новостями: удачами и невзгодами. Я звонила ей из разных географических точек нашей необъятной страны. Каждый разговор был плодотворным: она умела разделять радость и сопереживать; питала, заряжала энергией, вдохновляла своим небезразличием. Людмила Михайловна всегда интересовалась, как у меня дела; ее волновала моя жизнь, планы на будущее; мои научные, творческие и личные интересы. Я давала ей читать свои научные работы, художественные и публицистические опусы. Людмила Михайловна делилась своим мнением, вдохновляя меня на новые достижения.

Будучи человеком равнодушным, она ко всем проявляла заботу и уважение. Это распространялось и на меня. Зная о моем увлечении горнолыжным спортом, Людмила Михайловна всегда беспокоилась, когда я уезжала кататься в горы. Это касалось и поездок на Север — край, служащий для меня источником творческого вдохновения. Каждый раз перед отъездом Людмила Михайловна просила меня позвонить ей с вокзала: это стало у нас своеобразным ритуалом. Она всегда шла мне навстречу, очень многое простила и с пониманием относилась к моему образу жизни и связанными с ним особенностями, в частности, к непунктуальности... Вообще, надо сказать, что Людмила Михайловна в определенной мере обладала еще одним даром — прозрения: видела людей и принимала их такими, какие они есть, в их экзистенциальной сущности; или если эта сущность была ей слишком чужда, не принимала, но для этого надо было немало «постараться»...

С темой Русского Севера меня с Людмилой Михайловной сблизил один момент: село Юрома в Архангельской области, в котором я периодически бываю. В одной из наших бесед оказалось, что это место, где когда-то на студенческой диалектологической практике побывала Людмила Михайловна. Однажды она мне поведала о произошедшем там в далекой юности случае. Разразилась страшная гроза. Раскаты грома были подобны взрывам орудий: по черному небу метались молнии и то и дело метили в реку Мезень. Вода в ней бурлила... Юной Миле,

выросшей в комфортных условиях, стало не на шутку страшно... И старушка, у которой она квартировалась в избе, открыла чело русской печи и шепнула: «Полезай, девка, в печку. Полезай, не бойся. Там схоронишься. Никакая гроза не достанет». «Я залезла в русскую речку, переждала там грозу. И страх прошел», — рассказывала Людмила Михайловна. Вот такой был необычный случай.

Я привозила Людмиле Михайловне фотографии этого села.

В наших откровенных беседах мы говорили о разном... Слишком о многом радела эта женщина: о положении в стране, о науке, о жизни факультета и о каждом из нас, ставших в определенной мере ее воспитанниками...

Думаю, в следующем сборнике воспоминаний я смогу рассказать больше, в надежде на то, что многие моменты всплывут из глубины души, памяти и подсознания...

Екатерина Попцова

* * *

Смерть тех, кто творит бессмертные
дела, всегда преждевременна.

Плиний Младший

Никого не теряет человек, пока лю-
бит. Любовь — вечное присутствие.

Стефан Цвейг

Людмила Михайловна Баш жива. Она живет в сердцах своих питомцев — учеников и выпускников ШЮФа, преподавателей, которым она прививала любовь к профессии еще в их студенческие годы, призывая растить новые поколения филологов... Память о Людмиле Михайловне живет в сердцах всех, кто ее знал и любил. А не любить ее было невозможно. Каждый, кто имел удовольствие беседовать с ней хоть несколько минут, сразу замечал, каким равнодушным, душевным, добрым и отзывчивым человеком была эта хрупкая женщина. Она всегда была готова помочь каждому, и для каждого у нее находились теплые слова и достаточно времени, чтобы выслушать и понять. Эти качества помогли ей и в работе, они благотворно сказывались на судьбе школы юных нашего факультета — пристанища ценителей слова. Приглашая в начале учебного года еще не вполне сознательных, но питающих интерес к языку и художественному творчеству детей, она всегда долго рассказывала о той обители, куда они готовились войти, и о значении самого понятия «филология». И каждый раз это были новые интересные примеры — целая лекция для благодарных слушателей, занимавших всё пространство огромной поточной аудитории.

Людмиле Михайловне я благодарна многим и прежде всего тем, что она позволила мне на практике познать основы моей профессии. Благодаря знакомству с ШЮФ я осознала не только то, что значит быть преподавателем учебного заведения, а гораздо больше — что значит быть учителем и зажечь в юных сердцах любовь к познанию своего предмета. На заре студенческих лет наша добрая и гостеприимная Школа подарила мне возможность воочию увидеть то,

к чему я стремилась еще при поступлении в МГУ и что впоследствии стало моим поприщем. Людмила Михайловна показывала молодым и неопытным коллегам, что их работа прежде всего творческая и именно увлеченный человек способен повести за собой и дать необходимые ключи к знанию. С первых дней в ШЮФе все понимали, что успех такого благого дела определяется деятельной любовью ученика и учителя. Людмила Михайловна всегда предоставляла свободу в выборе курса и предмета — ту самую свободу творчества, без которой невозможен никакой труд.

Людмила Михайловна Баш продолжает жить в наших сердцах, и дело ее живо, поскольку жива любовь, которую она на протяжении многих лет возвращала на ниве просвещения, — любовь к слову, любовь к добру.

Будет нам не хватать Ваших легких шагов,
Вашей доброй улыбки и мудрого взгляда.
И не выразят чувства те тысячи слов,
Что срываются с губ... Множить речи не надо.

Надо помнить, и в том продолженье пути.
Всем началам любовь сулит многая лета.
Надо верить. Господь помогает идти,
И благие дела вновь свершаются где-то.

Их вершат поколения прежних юнцов —
Уходящих наставников зрелое семья.
Живы правые помыслы наших отцов,
И потомков сердца продлевают их время.

Будет нам не хватать Ваших легких шагов,
Вашей доброй улыбки и мудрого взгляда.
И не выразят чувства все тысячи слов,
Что срываются с губ, как пустая тирада.

Александр Логинов

Л. М. Баш и Античность в Школе юного филолога

К сожалению, я знал Людмилу Михайловну всего лишь семь лет. Но мне бы хотелось, чтобы память о ней осталась надолго. Это был очень светлый человек, много сделавший для образования и науки, а Школа юного филолога — ее наследие, которое, надеюсь, переживет века.

Школа юного филолога на данный момент является одной из самых развитых школ юных в МГУ. В ее расписании — десятки семинаров, а свидетельства об окончании ШЮФа ежегодно получают около сотни школьников. Школа юного филолога при филологическом факультете МГУ стала образцом школы юных не только для остальных университетских факультетов, но и для других вузов. И в этом — огромная заслуга Людмилы Михайловны Баш.

Стоит отметить, что Людмила Михайловна всегда уделяла много внимания «античным» дисциплинам в ШЮФе. Помимо моего семинара в расписании были еще лекции по истории Древнего мира, занятия по латинскому и древнегреческому языкам. В ШЮФе еще до моего прихода организовывались экскурсии в античные залы ГМИИ имени А. С. Пушкина. Позднее, когда я уже сам организовывал экскурсию в ГМИИ, Людмила Михайловна охотно снабдила меня всеми необходимыми для этого документами из деканата. Людмила Михайловна всегда интересовалась, как идут занятия в моем семинаре, сколько человек его посещает, каковы мои впечатления от учеников. Даже в дистанционной олимпиаде, организованной филологическим факультетом МГУ, благодаря Людмиле Михайловне появился в раздел, посвященный культуре Древней Греции и Древнего Рима.

В ШЮФ я тоже пришел как античник — в 2007 году, будучи студентом 4 курса кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ. Я собирался возобновить семинар по истории культуры Древней Греции и Древнего Рима, который до меня вел Алексей Михайлович Белов. Людмила Михайловна предложила назвать мой семинар «Экскурсы в античную цивилизацию», и на протяжении шести лет после этого я преподавал в этом семинаре. За эти годы я познакомился с Людмилой Михайловной как директором ШЮФа, привязался к ней душой и навсегда сохраню о ней самые хорошие воспоминания.

В том 2007 году меня поразила ШЮФ. Ничего подобного на историческом факультете тогда не было. Фактически ШЮФ был «студенческим университетом», в котором преподавали, в основном, студенты и аспиранты, а учились школьники. Мне очень понравилась организация учебного процесса: школьники могли выбирать между курсами, которые шли одновременно. Занятия проходили вечером, чтобы дети могли успеть на них после школы. Меня также поразила энтузиазм преподавателей ШЮФа: они были влюблены в свое дело. Ну и конечно, мне понравились ученики ШЮФа: далеко не самый обычный школьник сочтет нужным ехать куда-либо после школы, чтобы снова учиться.

ШЮФ в его современном виде оказался возможен, как мне кажется, потому, что Людмиле Михайловне удалось соединить тягу к преподаванию студентов и аспирантов с желанием школьников посещать курсы по филологии. Также Людмиле Михайловне удалось обеспечить ШЮФу поддержку со стороны администрации факультета и университета. Именно это соединение трех разных сил и создало феномен, имеющий, на мой взгляд, большое значение для российского образования.

Структура ШЮФа и принципы его работы также во многом были сформированы Людмилой Михайловной. ШЮФ и тогда, и сейчас характеризовали следующие черты: 1) просветительская направленность (ШЮФ всегда был ориентирован на распространение научных знаний), 2) подчиненность интересам науки (ШЮФ давал возможность и стимул студентам и аспирантам лучше изучить область их научных интересов), 3) демократизм (отсутствие платы за обучение, возможность выбирать семинары по желанию).

Людмила Михайловна считала важным, чтобы труд преподавателей оплачивался. Это были совсем небольшие деньги, но дело было не столько в размере зарплаты, сколько в осознании того, что труд совсем молодого преподавателя ценится факультетом. Финансовый вопрос, болезненный для современного образования, Людмила Михайловна всегда держала под своим контролем.

Хотелось бы также вспомнить об отношении Людмилы Михайловны к преподавателям ШЮФа. Мы чувствовали, что нас ценят и о нас заботятся. Людмила Михайловна всегда старалась найти возможность помочь своим преподавателям. Она интересовалась нашей жизнью, заботилась даже о нашем трудоустройстве. Фактически ШЮФ представлял собой республику, глава которой старалась защитить своих подопечных от всех внешних холодных ветров.

На «предсоветах» ШЮФа всегда была очень теплая, дружелюбная атмосфера. Преподаватели всегда могли высказать свое мнение, все вопросы обсуждались вслух. Фактически Людмила Михайловна относилась на этих «предсоветах» к нам, студентам и аспирантам, как к коллегам.

Конечно, необходимо сказать и об отношении Людмилы Михайловны к детям, ученикам ШЮФа. Она их любила, всегда относилась с теплотой. Хотя, наверное, и мы были для нее детьми.

Стоит также упомянуть и о том, как Людмила Михайловна относилась к историкам и историческим дисциплинам в ШЮФе: исторические семинары стали неотъемлемой частью расписания Школы юного филолога. Людмила Михайловна считала, что нельзя отрывать филологию от исторической науки.

Современная Школа юного филолога хранит традиции, заложенные Людмилой Михайловной. Поэтому можно говорить, что часть души Людмилы Михайловны все равно живет в ШЮФе и — *vitabit Libitinam*.

Два с половиной года, проведенных в Школе юного филолога, — один из самых насыщенных и ярких периодов моей жизни. Попала я туда довольно нетривиальным образом.

В начале 9 класса я записывалась в новую школу, и завуч посоветовала выбрать девятый «Б», потому что там учится, например, девочка, которая ездит в МГУ на бесплатные подготовительные курсы на филологический факультет. При непонятных, но очень красивых словах «филологический кто-то там», сердце мое забилося. Втайне я всегда мечтала стать профессором философии, и прежние, довольно «дворовые», учебные заведения не слишком приближали меня к этой мечте. Правда, иллюзии об особом интеллектуальном климате новой школы быстро развеялись. Одноклассница Оксанка в МГУ действительно ездила: в ШЮФ она записалась, потому что так можно было проходить в университет без всяких проблем и завязывать романтические знакомства на юридическом факультете. Однажды я уговорила ее взять меня с собой, пообещав хорошо одеться и даже, кажется, накраситься...

В ШЮФе как раз начинался второй семестр. На многие курсы уже нельзя было записаться. Но «Легенды и сказания древних кельтов» как раз начинали свою работу — более того, этот семинар вел, собственно, один из них. Во всяком случае многие, глядя на необычно длинную бороду преподавателя, были в этом совершенно убеждены — и я, пожалуй, тоже. На занятиях было не так много учеников; более того — иногда я была единственным слушателем. Мне было 14 лет, и в школе на уроках физики я читала под партой стихи Гумилева, пока мои одноклассники энергично переворачивали класс вверх дном. В ШЮФе со мной читали ирландские саги и обсуждали прочитанное. «Что в этом тексте языческого, а что — христианского?» С этого вопроса, которым преподаватель (А. А. Малиновский) заканчивал чтение каждого фрагмента, началось мое филологическое образование. В школе изучение литературы ограничивалось заучиванием наизусть стихотворений и биографических данных великих русских писателей. В ШЮФе была совсем другая литература: другие методы чтения и совсем другой

круг текстов. О текстах нужно было думать. Иногда один на один с внимательным и заинтересованным преподавателем. Для меня все это было в новинку.

В новом учебном году можно было записаться уже на многие другие семинары и лекции. Я стала ездить в университет почти каждый день. «Практическая стилистика», «Поэзия Серебряного века», «Славянская филология», иностранные языки... Домашнее мое образование было весьма посредственным (оно целиком вмещалось в навесную полочку, занятую художественной литературой; прочее было занято литературой технической), школьное же совсем не исправляло ситуации: в литературном отношении я была ребенком весьма дремучим. Многие курсы не давались мне: например, я до сих пор крайне жалею, что не потянула тогда замечательных лекций Андрея Зарецкого по литературе XVIII века; к счастью, несколькими годами позже, уже студенткой, я этот пробел отчасти восполнила, посещая его семинары — правда, уже по XIX веку — и общаясь с ним за пределами занятий.

По мере хождения на разные семинары и увлеченного в них участия вокруг меня сложилась чудесная дружеская компания. С «одношюфовцами» можно было по многу часов и с огромным азартом обсуждать домашние задания, русских поэтов, разные языковые семьи, а главное — преподавателей Школы! Последним были выданы разные имена и прозвища, но не потому, что над ними хотелось посмеяться, а потому, что от искреннего и почтительного обожания произносить их имена мы были иной раз совершенно не в состоянии. Многие ребята, как и я, учились в весьма посредственных школах, отчего контакт с университетскими преподавателями, аспирантами и студентами становился особенно значимым. Может быть, иногда мы относились к ним и к обсуждаемому в аудитории материалу слишком восторженно. Но во многих из нас эта подростковая увлеченность подготовила почву для дальнейших академических занятий.

Наиболее далеким от школы и наиболее интересным предметом был ирландский язык. Конечно, когда мы входили в аудиторию, за нами еще долго тянулся широкий шлейф из полумистических и полусказочных представлений и случайных обрывков рок- и поп-культуры, в котором мы иногда довольно неуклюже застревали. Некоторые из нас еще совсем не умели учиться — и тут я в первую очередь укажу на себя. Старались кто как мог — чего у нас точно было с избытком, так это энтузиазма. Этот энтузиазм влек нас в библиотеки и книжные магазины. Тонкая бордовая книжечка валлийской грамматики ценилась на вес золота, за ней устраивалась настоящая охота. Почему же валлийской? Наш интерес распространялся очень широко. Хотелось и валлийского, и шотландского, и всего хоть как-нибудь связанного, даже очень отдаленно, с любимым предметом; если бы в «Библио-глобус» завезли сложную научную монографию про корневую структуру пиктского языка — мы бы расхватили и ее. Скандинавские языки тоже очень привлекали, но казались слишком простыми: стоит ли изучать языки, где нет ни лениции, ни эклипсиса? Пусть на это теряют время какие-нибудь простофили!

В последний год моего пребывания в ШЮФе начался еще один очень важный предмет: «Современная поэзия». Это добавляло русской литературе новое измерение: она оказалась живой и динамичной. На занятия приходили самые настоящие поэты — интересные, умные, яркие, непохожие друг на друга и непохожие ни на что из того, что мы до этого привыкли понимать под «русской литературой». Более того — сама преподавательница, Евгения Лавут, оказалась поэтом. Она отвела нас и на первый «поэтический практикум» — чтения в заполненном клубами сигаретного дыма подвале клуба О.Г.И. Культурно-интеллектуальных площадок в Москве со временем оказалось гораздо больше, но это первое посещение — небольшой робкой группкой, не знающей, где можно садиться, а где нельзя, и кто все эти серьезные интересные люди вокруг и стоит ли их бояться, — стало первым шагом. Из клуба, конечно же, можно было идти только и исключительно на прогулку по ночным улицам Москвы — не домой же! — и увлеченно обсуждать литературоведов-постмодернистов и сражаться за идеалистические тенденции в философии (впрочем, лично я сражалась против!).

ШЮФ был очень разным: разные преподаватели, разные идеи, ооочень разные ученики — и всё это разнообразие бурлило, кипело, создавало живую интеллектуальную картину и способствовало стремительному развитию. Важнее всего это было для тех учеников, кто, как я, за пределами ШЮФа другой интеллектуальной среды до этого не видел. В моем случае Школа юного филолога стала еще и важнейшим социальным лифтом. Я буквально не знаю, что бы было с моей жизнью и моим образованием, если бы разбитная и непутевая одноклассница Оксанка не привезла меня однажды с собой в университет. После двух с половиной лет занятий редкими языками, стиховедением, прозой Лескова и поэзией Марины Цветаевой у меня не было никаких надежд поступить в МГУ. Все эти интереснейшие предметы не имели цели подготовить школьника к вступительным экзаменам, а денег в моей семье не было ни на репетиторов, ни на подготовительные курсы, ни на ботинки — иной раз, впрочем, не вполне хватало и на еду. Школьное же образование мое было самым явным образом недостаточным. Тогда за меня взялись мои друзья, мои ШЮФовские преподаватели и директор Людмила Михайловна. Кто-то, усадив меня рядом с собой на лестничную ступеньку, ставил мне received pronunciation, кто-то читал мои сочинения на тему «Мотив человека в творчестве И. Бунина» и возвращал с ехидными, но точными ремарками, кто-то давал советы, а кто-то, налив чаю в чашку и насыпав в тарелку вкусного печенья, убеждал поступать на самое правильное отделение — вечернее. С грехом пополам за полтора месяца я научилась писать сочинения и выразительно читать английские тексты с листа, вызубрила наизусть двухтомных «Шуриков» и «маленькую Литневскую». И поступила.

Следующие шесть лет я провела в здании первого ГУМа почти неотлучно. Посещая лекции и семинары, иногда прогуливая лекции и семинары (но это

реже!), бегая на лекции и семинары к дневному отделению — оказалось очень удобно учиться в необычное время (привычное, между прочим, по ШЮФу: и там, и на «вечорке» занятия начинались в пять) — и преподавая в ШЮФе.

Моя преподавательская деятельность была крайне неуклюжей, хотя и исключительно вдохновенной: кто-то справедливо считал, что я еще не очень-то компетентна для преподавания, а Людмила Михайловна, тоже справедливо, считала, что создание преемственности и атмосферы личного участия не менее важно для Школы, девизом которой она считала фразу «Обучая, мы обучаемся». Мне было 16 лет, когда я начала преподавать, — возможно, действительно слишком рано — но, по крайней мере, и как преподаватель, и как исследователь я с тех пор старалась только расти, никогда на этом пути не останавливаясь и продолжая считать свое образование не вполне достаточным. Без учебы и работы в ШЮФе были бы невозможны мои последующие дипломы: сначала красная «корочка» филфака, затем сертификат мастера по лингводидактике и магистратура по средневековой истории во Флоренции (во Флоренции в качестве дипломов выдают «pergamene» — широкие, в полстены листы). Сейчас, спустя 15 лет после первой лекции в ШЮФе, я продолжаю преподавать — в основном языки и литературу, в самых разных контекстах, в том числе университетском. И не перестаю учиться. В данный момент в докторантуре Второго римского университета, на сравнительном литературо- и языковедении. Уже давно закончили университет и многие из моих ШЮФовских учеников. Они тоже столь многому меня научили. Людмила Михайловна, Вы были, конечно, правы. Спасибо Вам за все.

Максим Самородов

* * *

Знакомство с Людмилой Михайловной Баш, безусловно, стало одним из поворотных моментов моей жизни. 18-летним студентом я впервые предстал перед ней, презентуя свой авторский курс для Школы юного филолога. Энтузиазма было много, а надежды на успех — не очень: слишком авантурным и сомнительным казался мне самому проект чтения лекций о русской литературе и ее отражении в сюжетах оперной классики. Однако доброжелательное отношение Людмилы Михайловны решило дело в мою пользу. Ее расположение я чувствовал не только тогда, но и много раз после: никогда у меня не было столь удачной «рекламы», как анонсирование моего курса Людмилой Михайловной на собраниях будущих ШЮФовцев. Так деликатно и ненавязчиво сделать комплимент труду другого могла только она.

Шло время, к авторскому курсу добавился курс всемирной истории — еще одна авантюра (исторического образования я не имел). Но и на этот раз помогла поддержка Людмилы Михайловны, ее убежденность в том, что все получится, и мое осознание того, что подвести ее я не имею права.

В ней, директоре ШЮФа, не было ни «директорской» суровости, ни панибратской покровительственности. Твердость и целеустремленность удивительным образом гармонировали в ее облике с хрупкостью, изяществом и элегантностью. С каким энтузиазмом она обсуждала каждый творческий план, исходящий от ШЮФовских учеников и педагогов, как умела направить твою идею в нужное русло, воодушевить! Наши советы всегда были похожи и на дружеские беседы, и на серьезные диспуты, но никогда — на унылые «заседания».

Особенно трогали отношение Людмилы Михайловны к ученикам и тот беспримерный альтруизм, с которым она отдавала им все силы и помыслы. С какой неподдельной радостью, с какой гордостью она, выдавая дипломы, зачитывала списки семинаров, в которых участвовал тот или иной ученик, и перечисляла его первые награды на научном поприще! Школьникам она давала шанс почувствовать себя состоявшимися исследователями, прививала им «взрослую», университетскую этику, помогала им почувствовать себя талантливыми, состоявшимися

людьми. Казалось, что завершающее каждый учебный год совместное пение учениками и учителями *Gaudeamus*'а для Людмилы Михайловны было не просто данью традиции, а тем порывом, который объединяет души и возвышает сердца.

Вмешательство Людмилы Михайловны круто изменило мою судьбу в самый непростой период. Когда, обозленный и почти отчаявшийся, я отгонял от себя мысль отказаться от научной карьеры и забросить написание диссертации, неожиданно раздался телефонный звонок. Признаться, я не сразу понял, с кем говорю: уже появились слухи о тяжелом самочувствии Людмилы Михайловны, а голос, звучащий из трубки, был по-пионерски звонок, весел, энергичен. Всего несколько советов, данных ею, вразумили меня. Ее сочувствие дало мне силы довести до конца начатое и не порывать с наукой.

Это произошло в октябре 2014 года. Через месяц Людмилы Михайловны не стало.

Я не успел ее поблагодарить.

И теперь вижу уплату своего необъятного долга перед ней в том, чтобы оставаться верным своему слову, преданным своему делу. Своей жизнью оправдать возложенные ею надежды.

И помнить ее, маленькую женщину с огромной душой.

Полина Федотова

* * *

Я поступила в Школу юного филолога, когда училась в 10-м классе. Я поехала подавать документы в Гуманитарный корпус вместе с папой. Очередь на подачу документов была довольно большая, вся комната была забита детьми и их родителями, а принимала документы сама Людмила Михайловна, которая, насколько я помню, была очень рада такому количеству учеников. На моего папу она тоже произвела впечатление: это он сам потом мне признался, что Людмила Михайловна выглядит так, как должна выглядеть настоящая учительница.

А когда у нас начались занятия, Людмила Михайловна иногда заходила на наши семинары на пару минут, просто чтобы проверить, всё ли у нас в порядке, и посмотреть на то, как мы слушаем наших преподавателей. А нам очень нравилось их слушать. И мне так запомнилось время, проведенное в Школе юного филолога, что в середине пятого курса я вернулась туда в качестве преподавателя. Первое собеседование со мной провела Людмила Михайловна, которая и одобрила курс «Сравнительное литературоведение (XIX век)». И когда заканчивалось очередное полугодие и мы собирались для обсуждения итогов и результатов, она всегда расспрашивала всех преподавателей Школы об их учениках и впечатлениях от работы преподавателем. И так приятно было знать, что тебя выслушают с большим вниманием.

Мы постоянно вспоминаем Людмилу Михайловну, ее работу по созданию маленького, но очень прочного научного сообщества, и радуемся, что у нас есть такая прекрасная возможность — самостоятельно заниматься и общаться с интересными учениками, которые приходят к нам в Школу юного филолога.

* * *

- Ну что, Лёня, когда ты к нам придешь?
- Простите, я даже не знаю, что преподавать.
- Ну ты подумай, подумай...

Это было начало третьего курса. Многие мои друзья уже всю преподавали старшеклассникам, ведя пары в Школе юного филолога в МГУ. Школа эта всегда была местом необыкновенным: там не было случайных людей. С одним из своих самых близких друзей я познакомился в Школе юного филолога. Там же я впервые узнал о существовании риторики и вмиг, прямо в свои четырнадцать лет, понял, чем и где хочу заниматься.

Лекции и семинары в Школе были настоящим праздником: интересные темы, потрясающие встречи, намоленное место — Университет! Студенты филофака тогда казались мне недостижимыми глыбами, полубогами. Я смотрел на них и понимал, что это самые счастливые люди в мире. И даже боялся мечтать, что однажды стану одним из них. Просто сидел за партой и думал, что готов полы мить в этом корпусе, лишь бы моя дальнейшая жизнь связалась с Университетом.

«...сейчас я напишу слово “Схоле”, а вы объясните мне, что оно значит», — размеренно и четко говорила на первом собрании невысокая темноволосая дама. В ней было что-то от школьной учительницы — наверное, строгость и обстоятельность. Но Людмила Михайловна Баш — а это была она, директор Школы юного филолога, — стала для меня гораздо большим, чем просто учителем.

— Так ты надумал? — Людмила Михайловна снова встретила меня в коридоре филофака. Начиналось второе полугодие третьего курса. — Ты бы нам очень пригодился.

— Ну а что мне вести, ЛюдмилМихална? Уроки игры на барабанах? — отчаявшись, пошутил я.

— У нас не Гнесинка, — слегка обиделась директор. — Ты еще подумай.

В начале четвертого курса я внезапно для себя вдруг осознал, что накопил приличное количество знаний по своей специализации — риторике. И знаниями этими немедленно надо было с кем-то поделиться.

— Я рада, что ты пришел, — сказала Людмила Михайловна. — Ты решил, что будешь вести?

— Давайте назовем курс «Основы ораторского искусства», — предложил я.

— Хорошо. Но сперва ты подготовь пробную лекцию минут на десять и проведи ее перед комиссией из преподавателей. Они и решат, готов ли ты.

Наверное, я волновался.

В указанное время вошел в аудиторию, где сидели руководители ШЮФа и несколько преподавателей. Я что-то рассказывал, когда меня прервал вопрос одного из присутствующих.

— Хорошо, Леонид, а что такое... Эммм... Гипербатон?

От ужаса у меня пропали все мысли.

— Что, простите?

— Что такое гипербатон?

Пропавшие мысли кусками всплывали в голове, да всё не те...

— Ну?

— Я не помню, Алексей Михайлович.

— Ну как же так, — заволновался тот, — вы же риторiku будете вести...

— Давайте предположим, что это просто очень большой батон, — улыбнулась Людмила Михайловна. — Леня, спасибо, мы услышали, нам нужно обсудить.

Я вышел в коридор и прислонился к стеночке. Через некоторое время вышел сердитый Алексей Михайлович, за ним выплыла директор Школы.

— Мы решили тебя взять. Хоть и были возражения на твой счет. Ну что же, жду программу. В октябре собрание. Добро пожаловать к нам!

В Школе юного филолога я проработал три года. Мои занятия были одни из самых посещаемых: на них приходило и сорок, и шестьдесят человек за раз. Иногда я хитрил: делал первую лекцию унылой и скучной, читая полтора часа по бумажке историю риторики. На следующее занятие приходило чуть меньше народу, и мы начинали работать.

Те, кто учился у меня, впоследствии становились студентами в том числе и фифака, некоторые уже даже успели его окончить. Кто-то незнакомый мог подойти ко мне в коридоре и спросить: «Вы меня не узнаете? А я у вас учился в ШЮФе. Ваши занятия очень мне помогли при поступлении в Университет». Я благодарил, смущался оттого, что меня узнали, а я — нет, а вечером находил того человека на старых ШЮФовских фотографиях. Как правило, там ему было лет 13-14.

Преподавание в Школе юного филолога стало для меня самого уникальной школой. А директор Людмила Михайловна — моим наставником. Помимо занятий, у нас происходили уютные посиделки с коллегами, мы гоняли чай, играли старые-добрые песни на гитарах — Окуджаву, Визбора, Высоцкого. Каждый год я ждал нового набора в ШЮФ, и каждый раз это были очень интересные и талантливые ребята. Со многими из них сегодня я дружу, они уже совсем взрослые, и мне даже странно, что когда-то я был их преподавателем, настолько незначительно выглядит сейчас наша разница в возрасте.

После окончания Университета меня пригласили преподавать на кафедру. Я стал вести спецкурс на факультете вычислительной математики и кибернетики, и снова ко мне приходило по 70—80 человек. Параллельно я работал в своей бывшей школе и понимал, что на ШЮФ сил совсем уже не хватает. Тем не менее я довел курс до конца и попросил у Людмилы Михайловны меня отпустить. Людмила Михайловна посетовала, но, взяв с меня слово, что я все равно буду приходить к ним в гости, отпустила.

Слово я держал, периодически заходил на кафедральные посиделки с чаем и гитарами и слышал от директора знакомый вопрос, но уже в несколько иной формулировке: «Ну что, Леня, ты к нам не вернешься?»

На пятый, что ли, год работы на филфаке МГУ, одним осенним вечером, я решил посмотреть, что за мероприятие идет в конференц-зале. Когда же я вошел, то до меня донесся со сцены знакомый, родной голос: «...здесь нет доски, но я обычно пишу на ней слово “Схоло”: вы можете мне объяснить, что оно означает?»

Шло собрание Школы юного филолога.

— Привет, — услышал я за спиной. — Какими судьбами?

Рядом стоял мой однокурсник, с которым мы когда-то, лет семь тому назад, преподавали в ШЮФе: я вел свой предмет, а Кирилл — стиховедение.

— Да представляешь, случайно зашел. А тут — такая ностальгия... Ну а ты что?

— А я решил вернуться. Скучаю без Школы, подумываю возобновить свой курс.

Это была очень трогательная встреча.

В прошлом году я звонил Людмиле Михайловне Баш, чтобы порекомендовать ей одну девочку, преподавателя английского. И снова услышал: «Ну ты-то сам к нам не собираешься вернуться?» Я отшутился, пообещал зайти на кафедру, попрощался.

Однажды мы встретились в коридоре факультета и мне было предложено устроить небольшой творческий вечер для ШЮФовцев.

— У тебя же ансамбль? Ну вот сыграли бы что-нибудь для наших.

И мы сыграли. Пять заготовленных песен. Потом еще четыре незаготовленных. Потом еще пять случайных. Потом еще. И еще. И снова добрая магия Школы юного филолога накрыла меня пушистым одеялом.

Во время работы в ШЮФе я ощущал, что занимаюсь очень важным и серьезным делом. Тогда я был комично строг, даже немного деспотичен, хоть и длинноволос.

Потом, когда на первый план вышли студенты, приоритеты сместились. Все стало по-настоящему серьезно, и Школа стала казаться чем-то вроде игрушечной версии реальной преподавательской практики. Затем пришло осознание, насколько важную роль сыграла Школа юного филолога в моей жизни. Дважды!

А сегодня я узнал, что Людмилы Михайловны не стало.

И вроде бы мир движется дальше. Я преподаю в вузах, бизнес-школах. Активно разрабатываю и веду тренинги для бизнесменов, которые охотно рекомендуют меня друг другу. Но только теперь я понял, кто сыграл в моей профессиональной жизни по-настоящему фундаментальную роль. Кто во мне тогда увидел меня сегодняшнего.

Я не увидел, а она увидела.

Спасибо вам, Людмила Михайловна.

Содержание

<i>Ольга Кузнецова. Вместо предисловия</i>	5
<i>Александр Малиновский. Этимология человеческой души</i>	9
<i>Дарья Рыжова</i>	20
<i>И. А. Емелин. Вспоминая Людмилу Михайловну Баш</i>	22
<i>Александр Якобидзе-Гитман. Поместье Баш</i>	24
<i>А. М. Белов</i>	29
<i>Фируза Байрамова</i>	33
<i>Ф. Б. Людоговский</i>	34
<i>Ирина Полевая (Болохова). Вдохновительница</i>	37
<i>Мария Сулимова (Притворова)</i>	40
<i>Илья Стрекалов. В благодарность за поддержку</i>	44
<i>Екатерина Новикова. Директор волшебной школы</i>	47
<i>Надежда Мельникова</i>	49
<i>Д. А. Иванов</i>	51
<i>Анастасия Полторацкая. Из воспоминаний о Людмиле Михайловне Баш</i>	56
<i>Екатерина Попцова</i>	61
<i>Александр Логинов. Л. М. Баш и Античность в Школе юного филолога</i>	63
<i>Рива Естифеева</i>	66
<i>Максим Самородов</i>	70
<i>Полина Федотова</i>	72
<i>Леонид Смехов</i>	73

Памяти Людмилы Михайловны Баш
Сборник воспоминаний преподавателей
Школы юного филолога

Художественное оформление переплета А. Варламова
Оригинал-макет подготовлен С. Белоусовым
Корректоры О. Неклюдова, В. Столярова

Подписано в печать 18.10.2015. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Апо Pro
Усл. печ. л. 4. Тираж 200. Заказ №

